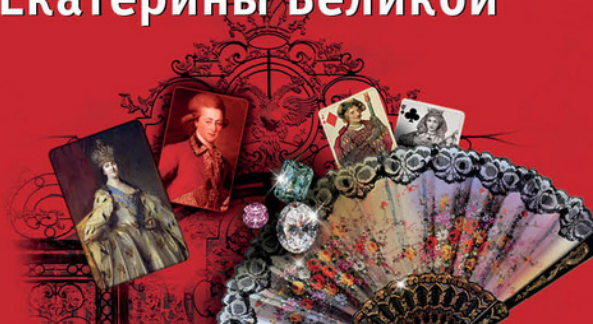

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Только в Париже, с его мостами и химерами, с его мелодиями и шармом, мог сложиться этот любовный многоугольник, столкнувшийся, как бриллианты в шкатулке, русского авантюриста и его французских соблазнительниц...

Елена АРСЕНЬЕВА

Коварные алмазы Екатерины Великой

Елена Арсеньевна Арсеньева
Коварные алмазы
Екатерины Великой
Серия «Артефакт-детектив»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24098480
Коварные алмазы Екатерины Великой: Э; Москва; 2017
ISBN 978-5-699-97354-5

Аннотация

Это повторяется в каждом поколении: она и он, опоздавший родиться вовремя, встречаются друг друга и идут рука об руку сквозь град насмешек. Диана де Пуатье была старше Генриха II почти на двадцать лет, между Екатериной Великой и ее фаворитом Сашенькой Ланским три десятка, но что значат любые цифры там, где двое блистают рядом как настоящие бриллианты в короне? Да нет, куда там бриллиантам, ведь любой камень можно украсть, но как украдешь нежность, страсть, вместе пережитую вечернюю зарю?..

Содержание

Париж, наши дни	5
Нижний Новгород, за некоторое время до описываемых событий	14
Париж, наши дни	19
Санкт-Петербург, 1780-е годы	29
Нижний Новгород, за некоторое время до описываемых событий	31
Париж, наши дни	38
Нижний Новгород, за некоторое время до описываемых событий	49
Париж, наши дни	56
Нижний Новгород, за некоторое время до описываемых событий	68
Санкт-Петербург, 1780-е годы	74
Париж, наши дни	75
Нижний Новгород, за некоторое время до описываемых событий	84
Санкт-Петербург, 1780-е годы	92
Париж, наши дни	94
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Елена Арсеньева
Коварные алмазы
Екатерины Великой

© Арсеньева Е. А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство „Э“», 2017

Париж, наши дни

Часом позже Фанни не обратила бы на него никакого внимания. Часом позже она его просто не заметила бы в суете, которая начинается в Париже еще до рассвета и заканчивается лишь после полуночи. И здесь, на мосту Пон-Неф, скоро появятся автобусы, автомобили, пешеходы. С самого раннего утра на парижских мостах уже болтаются туристы. Они обожают парижские мосты, особенно Пон-Неф.

Впрочем, чего только не обожают эти самые туристы. Они вползают на Монмартр, пыхтя и отдуваясь на крутых улочках и почти вертикальных лесенках; слоняются в галереях Лувра; торчат на площади Конкорд, пытаясь обрызгать себя и других водой из фонтанов; топчутся под Эйфелевой башней, резко закидывая головы и рискуя переломить шеи; кружат возле Нотр-Дам, разглядывая горгулий-химер. Они не выпускают из рук карту и посреди Елисейских полей непременно пристанут к вам с просьбой указать, где здесь Мулен-Руж. На бульваре Клиши они ищут Вандомскую колонну, в Тюильри придирчиво вглядываются в статуи, пытаясь выяснить, не эта ли нагая мраморная дама – бронзовый памятник тому самому Анри IV? Хорошо хоть Эйфелеву башню все находят самостоятельно – уж она-то в Париже видна практически отовсюду, особенно с мостов.

Ах да, вернемся на Пон-Неф.

Итак, часом позже Фанни его ни за что не заметила бы в этом укромном уголке. Как раз там, где пешеходная дорожка сворачивает с набережной Лувра на мост, стоят на парапете два чугунных фонаря. Между ними – изгиб каменной ограды моста и полукруглая каменная скамья. Вот уже почти год в любую погоду в шесть тридцать пять утра (ровно в шесть подъем, пятнадцать минут на торопливое умывание и одевание, двадцать минут трусцой от ее дома на углу рю де ла Бурз и рю де Колонн) Фанни замирает рядом с этой каменной скамьей и кладет руку на парапет. Он серо-белый, в мутном свете раннего утра кажется мертвенным, изрыт раковинками – Фанни повторяет про себя, что они забиты не грязью, а пылью времен. Это слова Лорана, который на самом деле никакой не Лоран, это Фанни стала так его называть, чтобы не сломать язык на его невозможном варварском имени.

Они впервые встретились именно здесь, возле этой каменной скамьи, где сейчас стоял какой-то парень, перегнувшийся через парапет так низко, что Фанни видела только его туго обтянутый сизыми джинсами зад и ноги, казавшиеся чрезмерно длинными, потому что он приподнялся на цыпочках. Какое-то дурацкое мгновение Фанни верила, что это Лоран. Нет, конечно: незнакомец был слишком худым, слишком мелким. Слезы подкатили к глазам, потому что этот щедушный парень, нагло задравший свой зад над парапетом, занял ее святое место, ее Мекку, куда она прибегала,

словно смиренная паломница (если предположить, что паломницы, тем паче смиренные, способны бегать, а не брести, тащиться, влачиться или что они там делают на пути к святым местам), уже почти год в надежде вернуть невозвратимое.

Фанни и сама понимала, что надежда эта напрасна, однако ничего не могла с собой поделаться. Отчего-то ей казалось, что если Лоран решит вернуться к ней, то однажды ранним утром явится сюда, на Пон-Неф, и станет поджидать ее, опершись на бело-серый мертвенный парапет и поглядывая то на набережную Лувра, откуда должна появиться Фанни, то на другой конец моста, где голуби еще дремлют на голове, плечах и чрезмерно широком кружевном жабо бронзового Анри IV (вот именно, памятник ему находится именно на Пон-Неф, и бессмысленно искать его в любом другом месте, будь это даже сад Тюильри).

Лоран придет сюда, потому что здесь, на этом самом месте, они с Фанни встретились год назад.

Таким же ранним февральским утром она стояла, низко перегнувшись через парапет, и смотрела на куклу, которую темно-зеленая вода Сены несла под мост. Кукла была роскошная – с распущенными темно-рыжими волосами и в длинном белом платье. У нее было ярко намалеванное лицо с наивным блаженным выражением, как будто ей страшно нравилось колыхаться в ледяной воде под бледным утренним

полусветом, изливавшимся сквозь войлочные тучи. В этом зрелище плывущей куклы было нечто жуткое и в то же время завораживающее – до такой степени, что Фанни не могла отвести взгляд от белой фигурки, которую течение затягивало все дальше и дальше под мост. И она наклонялась все ниже, провожая ее глазами, как будто для нее было страшно важно увидеть, как кукла скроется под мостом – наткнется на каменную опору или проскользнет мимо.

Итак, она наклонялась ниже и ниже, и вдруг ее кто-то как схватит сзади за бедра, как-как рванет назад! Фанни взвизгнула, обернулась, даже размахнулась, чтобы дать пощечину какому-то обнаглевшему клошару или мигранту (отчего-то она вообразила, что на такую наглость способен только непроспавшийся клошар или мигрант, поднявшиеся с одной из многочисленных вентиляционных решеток, которые теперь все стали ночлежками клошаров и мигрантов). И увидела перед собой весьма тщательно одетого господина, который на дурном французском сказал:

– Извините, я испугался, что вы упадете прямо в реку.

На вид ему было лет сорок, а может, сорок пять. «Моложе меня», – привычно отметила Фанни и привычно огорчилась, что с некоторых пор все привлекательные мужчины вдруг сделались моложе ее. Он был среднего роста, с темными волосами и холодноватыми серыми глазами, со свежим румяным лицом и не то смущенной, не то дерзкой улыбкой.

Фанни мгновенно оценила элегантную куртку от Barbery,

распахнутую слишком широко для столь сумрачного и раннего утра – с явным намерением продемонстрировать щеголеватый пуловер. Бог знает почему ей вспомнился ехидный диалог из Дюма-пэра: «На нем все новое, он одет с иголки. Вот именно, у этого господина такой вид, словно он впервые оделся!»

Фанни невольно улыбнулась и не выругалась незнакомцу в лицо (хотя могла и умела ругаться так, что столбенели даже мужчины), а сказала почти приветливо:

– Здесь довольно трудно упасть прямо в реку. Вот посмотрите: буквально на метр ниже парапета довольно широкий каменный выступ. Сначала свалишься на него и легко удержишься, если, конечно, ты не пьян и у тебя нет особого желания покончить с собой.

– А у вас такого желания нет? – спросил мужчина с оттенком недоверия.

Фанни неожиданно для самой себя ответила с пугающей откровенностью:

– Вообще-то и у меня возникает иногда такое желание, как у всякого нормального человека, полагаю. Правда, ко мне это желание приходит между четырьмя и пятью утра, когда я курю одна возле кухонного окна и с трудом удерживаю себя, чтобы не выкинуть во двор мой «Житан» и не броситься следом. Но сейчас-то уже седьмой час, время моих суицидальных помыслов позади.

– Скажите, – спросил мужчина на своем неуклюжем, но

дерзком французском, – скажите, мадам, а что вас удерживает от того, чтобы не броситься вслед за сигаретой? Мысли о ваших детях, которым будет вас не хватать? О любимом мужчине? О родителях, которым нужна ваша забота?

Мгновение Фанни пристально смотрела на незнакомца, удивляясь жадному любопытству, которое прозвучало в его голосе, а потом подумала: «Дело нечисто. Кажется, одними разговорами мы не ограничимся, ой нет».

– Скажите, – проговорила с той же серьезностью она и обхватила руками плечи, которые начало знобить (хоть Фанни и была одета в теплую фланелевую кофту Decatlon, но кофта годилась для бодрой утренней пробежки, а вовсе не для стояния над Сеной промозглым февральским утром, когда столбик термометра едва поднялся выше пяти градусов), – скажите, мсье, а что заставляет вас задавать мне такие странные вопросы? Вы психолог? Вы занимаетесь проблемой суицида и вам нужны примеры для научной работы?

Незнакомец помедлил, как бы мысленно переводя ее слова с французского на свой родной язык, и со смущенной улыбкой покачал головой.

– Или вы флик, который боится, что на его глазах может произойти такое нарушение закона республики, как самоубийство, и пытается предотвратить преступление?

Он снова помедлил, вникая в смысл ее слов, и опять покачал головой, и даже хмыкнул, подчеркивая нелепость такого предположения.

– Или вы... – Фанни заглянула в его серые глаза и обнаружила, что они вовсе не такие уж холодные, как ей сначала показалось, скорее серо-голубые, ясные – настолько ясные, что Фанни с легкостью смогла кое-что в них прочесть и решительно продолжила: – Или вы намерены таким образом выяснить, замужем ли я, сколько у меня детей и будет ли кто-то нам мешать, если я приглашу вас к себе?

Забавно было наблюдать за его лицом. Сначала незнакомец растерялся от неожиданности, потом нахальная улыбка тронула его четко прорисованные губы:

– Вы угадали, мадам. Я именно это хотел узнать. Видите ли, я только недавно прилетел в Париж, дела мои идут не так хорошо, как хотелось бы, и я чувствую себя невероятно одиноким...

Сначала он смотрел в глаза Фанни, а потом перевел взгляд на ее грудь. Тогда Фанни тоже перестала таращиться на его улыбчивое лицо и перевела глаза туда, куда ужасно хотят, но стесняются посмотреть все приличные женщины. А поскольку Фанни вовсе не считала себя приличной женщиной, она решительно посмотрела на ширинку его джинсов.

О-очень интересная открылась картина!

«Странный мужчина, – успела подумать она, чувствуя, как пересыхают губы, – может быть, маньяк? Надо отправить его к черту!»

Лучше бы она так и поступила. Ведь они оба, Фанни и

этот господин, станут сообщниками в убийстве, о чем, разумеется, сейчас даже не подозревают. Нет, своих рук они не обагрят. Но роли в предстоящей трагедии им предстоят отнюдь не второстепенные.

Увы, это был последний проблеск здравого смысла перед тем, как Фанни влюбилась в незнакомца – практически с первого взгляда.

Впрочем, она всегда влюблялась в своих мужчин с первого взгляда, в крайнем случае со второго – открыв затуманенные глаза после секса (если секс был удачным).

Однако ничего подобного тому, что Фанни испытывала сейчас, с ней еще не происходило. Впрочем, она всегда пребывала в уверенности, что ничего подобного с ней еще не происходило. Новое платье – всегда лучшее, об этом знает каждая женщина.

Лоран, это и был Лоран... Все, в жизни Фанни его больше нет. Она потеряла его по собственной дурости, потеряла меньше чем через полгода после того, как обрела, после того, как поверила, что может наконец стать счастливой. С тех пор она каждый день продолжает прибегать на Пон-Неф, жадно отыскивает глазами широкоплечую фигуру, и темные волосы, и промельк улыбки в серо-голубых глазах, а не найдя, снова останавливается около каменной скамьи, смотрит на зеленую воду Сены (в Сене всегда зеленая вода, зимой и летом, весной и осенью, в дождь и в солнце) и думает, что

настанет, наконец, день, когда она или дождется здесь Лорана, или перегнется через парапет слишком сильно, так что носки ее кроссовок оторвутся от мостовой, и Фанни потеряет равновесие, перевалится вниз, но не даст своему телу задержаться на спасительном выступе, а рухнет в темно-зеленую стынь Сены, которая сразу отнимет ее дыхание. А потом ее темно-рыжие волосы и бледное лицо сведут с ума раннего прохожего, к примеру, туриста, который будет таращиться на нее с какого-нибудь другого моста, ниже по течению, и думать, есть, мол, что-то завораживающее в этой картине: утопленница в зеленых волнах...

Фанни передернула плечами, отгоняя утренний кошмар, еще раз взглянула на тщедушного наглеца в сизых джинсах, который занял священное для нее место, и совсем было собралась бежать дальше, так и не исполнив непрменный утренний ритуал, как вдруг заметила, что парень слишком уж перегнулся через парапет. Носки его кроссовок почти оторвались от мостовой, он вот-вот рухнет вниз.

И он склоняется еще сильнее! Он с ума сошел!

Нижний Новгород, за некоторое время до описываемых событий

Валерий Сергеевич Константинов умер в ночь на понедельник, 31 января, на четырнадцатом месте четвертого купе шестого вагона скорого поезда «Нижегородец» сообщением Нижний Новгород – Москва. Смерть Константинова на первый взгляд выглядела вполне естественной. Никаких следов насилия и прочего криминала: уснул человек и не проснулся. Тихая, милосердная смерть. Конечно, вроде рановато для пятидесятипятилетнего мужчины. С другой стороны, всякое бывает, и вообще, процент ранних смертей у мужчин куда выше, чем у женщин.

Однако работникам полиции по долгу службы положено предполагать криминал даже там, где его нет. Константинова, положим, могли отравить. Подозрительным, помимо всего, выглядело исчезновение попутчиков покойного.

В том, что на месте не оказалось двоих из них, как раз ничего подозрительного не было: они сошли на своей станции в половине шестого утра. Копии проездных документов у проводницы сохранились. Билеты ровно неделю назад приобрели супруги Шаповаловы, пенсионеры, решившие навестить внука, которому 31 января исполнялось восемнадцать. Конечно, вполне могло статься, что Шаповаловы нарочно под-

гадали поездку к тому времени, когда Валерий Константинов отправится по каким-то неведомым делам в Москву, и совершеннолетие внука было не более чем попыткой обеспечить алиби, однако свои билеты они купили на два дня раньше, чем покойный Константинов. Купить билеты на два дня раньше и оказаться в одном купе с будущей жертвой – это устроить не так-то просто. Да, самое большее, на что Шаповаловы годились, – это быть свидетелями.

Настоящий интерес у дознавателей вызывала личность еще одного попутчика покойного Константинова – четвертого пассажира этого купе, ехавшего на шестнадцатом месте. Хотя бы потому, что эта самая личность оказалась неизвестна. То есть потом выяснилось, что билет на это место был продан некоему Ломакину А. Н. (номер паспорта такой-то, прописан в Нижнем Новгороде там-то). Учитывая, что Ломакин покупал билет почти одновременно с Константиновым и даже в одной кассе с ним, он вполне годился на роль подозреваемого. Однако вся странность состояла в том, что Ломакин на своем месте не ехал. Когда поезд отошел от вокзала и проводница начала проверять билеты, оказалось, что пассажир не явился к отправлению.

Такое бывает. Например, опоздал. Или передумал ехать, а билет сдать не успел. Или потерял билет. Или вообще в больницу попал, уже не до билета стало и не до Москвы. Да умер накануне поездки, в конце концов!

Проводница сообщила о наличии свободного места на-

чальнику поезда, и тот решил осчастливить мужчину, который ворвался за несколько минут до отправления и принял-ся умолять начальника найти ему какую-нибудь полку.

Что ж, и это не редкость, особенно накануне понедельников. Начальники поездов пускают пассажиров даже на места 37 и 38, которые официально значатся местами отдыха проводников. Как оформляются в этом случае проездные документы, знает всякий, кто хоть раз попадал в такую ситуацию. Вот и сейчас начальник поезда, выписывая квитанцию, поставил только фамилию и инициалы пассажира: А. В. Ил..., но и фамилию почему-то не дописал и забыл о номере паспорта.

Оплошность, конечно, непростительная, необъяснимая, но ведь и на старуху бывает проруха. Хотя этот А. В. Ил... мог оказаться не причастен к внезапной смерти Константинова. Конечно, он не мог не заметить, что сосед слишком долго спит на своей четырнадцатой полке. Но мог и не заметить. Проводница вспомнила, что А. В. Ил... тоже заспался: она дважды входила в темное купе и громогласно напоминала, что через несколько минут Москва, а пассажиры все никак не вставали (старинная страшилка насчет скорого закрытия туалетов больше не действует, вагоны фирменных поездов снабжены теперь биотуалетами, которыми можно пользоваться когда и где угодно). Наконец А. В. Ил... сорвался с полки, приподнял штору, суматошно взгляделся в проплывающие за окном московские улицы, напялил джинсы и сви-

тер, накиннул куртку, нахлобучил шапку, выхватил из кармана отчаянно звонивший мобильник, схватил сумку, уронил, из нее выпали какие-то вещи, он принялся их собирать и ронял снова и снова. Проводница видела, как он ползает на коленках по полу, но в купе больше не входила: во-первых, чтобы ему не мешать, во-вторых, у нее и мысли не было, что второй пассажир еще не проснулся. Тем паче, что он вообще никогда больше не проснется.

Но вот А. В. Ил... вылетел в коридор, чуть не первым оказался у дверей тамбура, которые проводница уже открывала (надвигался Курский вокзал). Она успела заметить, как он нелепо выглядит в этой криво надетой куртке, с непричесанными волосами. Ну да, он ведь даже не умылся, небось и биотуалет не успел посетить – то-то кубарем скатился со ступенек, то-то чесанул по платформе, едва только поезд остановился, даже не буркнул «спасибодосвида», наверняка торопился в вокзальный туалет! Да, он же при этом еще по телефону умудрялся разговари- вать!

Проводница немедленно забыла об А. В. Ил..., но не навсегда, а конкретно до того момента, как ее начали допрашивать на предмет обнаружения на четырнадцатом месте четвертого купе шестого вагона фирменного скорого поезда «Нижегородец» внезапно скончавшегося пассажира. Его билет так и лежал на столике в купе, и это значительно облегчило процедуру установления личности покой- ного.

Личности же попутчиков Константинова стали особенно

интересны следствию после того, как на вскрытии выяснилось, что смерть наступила от инсулиновой комы.

Париж, наши дни

Не думая, что делает, повинувшись невольному порыву, Фанни метнулась вперед, схватила парня за бедра и сильно рванула на себя – так сильно, что едва не завалилась вместе с ним на спину. И тотчас разжала руки, потому что схватила она его очень неудачно (а может, и удачно, это как посмотреть) – за самое что ни на есть неприличное место.

Нечаянно, конечно.

Но он, кажется, так не думал. Ему удалось сохранить равновесие, отпрянуть и обернуться с выражением такого яростного негодования, что Фанни вскинула руки, защищаясь (ну да, судя по его виду, он готов был дать ей пощечину, решил, конечно, что она какая-то маньячка, которая посягнула на его честь, а может, и девственность), и выпалила:

– Извините, но я испугалась, что вы упадете прямо в реку.

И у нее пересохло в горле от этих слов, которые когда-то сказал ей Лоран.

Фанни ничуть не удивилась бы, если бы этот молодой придурок буквально повторил ее ответ, потому что в жизни гораздо больше невероятных совпадений, чем нам кажется. Однако он не стал рассуждать о каменном выступе, с которого можно скатиться лишь при желании, а поддернул джинсы и буркнул:

– А вам-то что?

По-французски он говорил плохо, с сильным акцентом. Смотрел на Фанни люто, недоверчиво, словно боялся, что незнакомая баба вот-вот кинется его лапать.

Идиот, нужен он ей. Ей нужен совсем другой!

– Вы правы, – согласилась Фанни, – мне до вас нет никакого дела. Поэтому я бегу дальше, а вы продолжайте начатое.

И она развернулась было и даже сделала первый шаг, когда он тихо сказал:

– Зачем, зачем вы мне помешали? Думаете, мне легко было решиться прийти сюда? Думаете, это легко – решиться умереть?

У него прервался голос, он нервно вздохнул, провел рукой по глазам и укоризненно уставился на Фанни.

И ей стало так стыдно за эту удавшуюся попытку спасения человеческой жизни, как не было стыдно никогда.

Не стоит, голубушка, так огорчаться. Совсем скоро вы станете соучастницей убийства этого человека – и таким образом исправите ошибку, которую только что совершили. Кстати сказать, никакого самоубийства этот молодой человек не замышлял. Но вы, к своему счастью, об этом никогда не узнаете.

Фанни словно бы пригвоздило к земле. Она стояла столбом и разглядывала этого мальчишку с мокрыми ресницами.

Да, совсем мальчишка, лет двадцать пять, от силы два-

дцать шесть. Шестнадцатилетние девчонки считают этот возраст весьма солидным, но женщины, как принято выражаться, взрослые (некоторые хамы называют их пожилыми) заслуженно полагают таких парней желторотыми юнцами. У некоторых при виде таких юнцов пробуждается материнский инстинкт. У других оживают инстинкты прямо противоположного свойства, и до добра это не доводит...

Честно говоря, Фанни не знала, к какому типу женщин принадлежит, потому что мужчины младше тридцати пяти раньше не вызывали у нее ни малейшего интереса. Они существовали где-то вне ее мира. Она их, строго говоря, не замечала, даже когда вынужденно общалась, обслуживая в бистро, или здороваясь на лестнице, или сталкиваясь на улице. Дети – фиксировала она безотчетно. Детей она не слишком любила и не обращала на них внимания. Не обратила бы и на этого ребенка, попадись он ей часом позже и в другом месте. Но он стоял в половине седьмого на Пон-Неф.

«Красивый мальчик», – подумала Фанни.

И что с того?

Красивых мальчиков в Париже много, очень много (между нами говоря, значительно больше, чем красивых девочек), просто глаза разбегаются. Беленьких, черненьких, всяченьких. Встречаются и вот такого горячего, не то чуточку испанского, не то малость итальянского, а может, и самую капельку арабского типа. Особенно много их в Тулузе и Марселе, но и в Париже хватает. Эти красавцы, достойные

кисти, условно говоря, Веласкеса, бродят по улицам, сверкают потрясающими глазами, поражают совершенством смугловатых лиц и искательно улыбаются, заглядывая в глаза встречных женщин (мужчин, нужное подчеркнуть).

Впрочем, этот мальчишка с моста Пон-Неф искательно не смотрел и был вовсе не смуглым.

У него оказались мраморно-белая кожа и чудесный высокий лоб. Четкий правильный нос, небольшой, горестно стиснутый рот. Почти классические черты, которые самую точку портил слабый подбородок. А может, и не портил, а придавал тот грамм несовершенства, который делал это лицо не тривиально-красивым, а таким, от которого не хотелось отводить взгляд.

Вот Фанни и не отводила.

Он был темноволосым и темноглазым, но на сей раз это сочетание отчего-то не показалось Фанни однообразным. Глаза у него были особенно хороши: не черные, а цвета горького шоколада, яркие, с томными веками, похожими на голубиные крылышки. Верхние веки были коричневыми, воспаленные то ли от бессонницы, то ли от слез, а под нижними залегли глубокие тени. Небрит, губы запеклись, давно не стриженные волосы разметало ветром, они вились небрежными кольцами и падали ему на глаза, мешали смотреть, поэтому иногда он раздраженно взмахивал головой, отбрасывая их, и тогда мгновенной трагической гримасой искажалось лицо и напрягалась шея, видная из ворота свитера.

Этот воротник-хомут изрядно натер ее, на ней виднелась красная полоса, и Фанни подумала, что мальчишка похож на щенка, которому удалось сбросить ошейник и убежать из дому, но в этой погоне за неведомой свободой он заблудился, потерялся и не знает, что делать. Вот именно, у него был отчаянный щенячий вид. Невыносимо трогательный.

«Я его где-то видела, я его уже видела раньше», – подумала Фанни и тут же тихо ахнула. Пресвятая Дева, а что, если у него красная полоса на шее вовсе не от грубого свитера, а от какой-нибудь веревки, на которой он пытался удавиться?

Ветер смел со лба мальчишки темные пряди, и Фанни увидела, что этот высокий бледный лоб покрыт испариной.

Он болен? У него жар?

– Что вы на меня уставились? – грубо спросил он, и Фанни уронила руку, которая уже потянулась отереть ему лоб и заодно проверить температуру тем самым извечным материнским движением, каким проверяют температуру все матери на свете и какого она никогда раньше не делала, потому что детей у нее не было.

А мальчишка прав, она смотрит на него слишком долго.

– Извините, – небрежно пожала плечами Фанни, скрывая внезапное смущение и мельком изумляясь, что так сильно смутилась. – Я просто подумала, зачем вы, такой молодой и красивый, вдруг решили... – Она кивнула на Сену. – Не хочется говорить банальностей, но, знаете, они спасительны именно потому, что удивительно верны. И когда говорят, что

все проходит, это в самом деле так. Все проходит! Даже если ваше сердце сейчас разорвано любовью, поверьте, пройдет и это.

Слепой ведет слепого. Не о том ли и она сама думала не далее, чем пять минут назад? Она вдруг ощутила дрожь при мысли, как холодна и мучительна вода в Сене и как ей не хочется туда, не хочется умирать даже из-за Лорана! И как хорошо, что удалось удержать этого мальчика. Теперь самое главное – успокоить его, уговорить, чтобы ему и в голову не пришло повторить страшную попытку.

Какая жалость, что меньше чем через три месяца ему все-таки суждено умереть, этому мальчишке, который самонадеянно считает себя пожирателем женских сердец, а окажется всего лишь игрушкой в руках трех изощренных красавиц. Да, жаль, а впрочем, если закон гласит, что всякое преступление должно быть наказано, то он всего лишь получит по справедливости за то, что совершил год назад. А вот его собственный убийца так и останется не признанным.

Он, этот убийца, даже не будет мучиться угрызениями совести, которые, как уверяют мудрецы, куда страшнее всех кар и пыток, придуманных людьми.

Мудрецы в очередной раз вынуждены будут развести руками и смириться с собственной глупостью.

– Я понимаю, – забормотала Фанни, – вам сейчас кажется,

что лучше вашей девушки нет на свете, что в ней весь мир, но если вы посмотрите вокруг...

Фанни осеклась, вдруг сообразив, что в обозримом пространстве не имеется не только ни одной девушки, но и вообще ни одной особы женского пола, кроме худощавой брюнетки в серой фланелевой кофте Decatlon и велосипедках цвета бордо, то есть самой Фанни. Еще решит, что она предлагает ему себя. Может быть, и не фыркнет ей в лицо, но в глубине души непременно...

– Да при чем здесь девушка? – фыркнул мальчишка и сунул было руки в карманы своей потертой рыжей куртки, но карманы эти были чем-то так туго набиты, что руки туда не вместились, и он оставил эту затею. – Вы думаете, смысл жизни только в девушках?

«Пресвятая Дева, – испуганно подумала Фанни, – неужели этот красавчик – гей?»

Впрочем, она ошиблась, как немедленно выяснилось.

– Да вы не то подумали, – сердито сказал мальчик, правильно истолковав выражение на ее лице. – Нет, до чего же вы все однообразны! Как будто на свете только и есть, что трахаться или не трахаться с женщиной или с мужчиной. Как будто больше ни из-за чего не может осточертеть жить!

– Вообще-то я говорила не о сексе, а о любви, – заикнулась Фанни, и мальчишка снова откинул со лба волосы этим движением, от которого у нее защемило сердце.

– Да какая разница? – грубо оборвал он. – Не только в

сексе или даже в любви смысл жизни. Просто все так для меня сошлось – невыносимо, понимаете? Невозможно больше терпеть! Думаете, легко было решиться? Я хотел, чтобы все кончилось, а тут вас черт принес. Теперь я не смогу, не потому, что страшно, а потому что снова буду думать о матери, как она это переживет и как будет искать меня по моргам и больницам, а я буду лежать под этим мостом... Видите, я нарочно набил карманы камнями, чтобы меня не унесло течением, чтобы остаться под этим мостом, чтобы меня когда-нибудь нашли и она могла меня похоронить!

Он принялся выворачивать карманы, из которых посыпались какие-то камни. Мальчишка наклонился, чтобы подобрать их и снова сунуть в карманы, но Фанни принялась отшвыривать их в стороны носками кроссовок.

Сцена была дурацкая, и камни были дурацкие, слишком легкие, таким не под силу противостоять стремительному подводному течению Сены. Тело мальчишки выкинуло бы вверх, и оно поплыло бы под мостами, и этот лоб мерцал бы сквозь зеленую воду, и черные волосы влачились бы за ним...

И Фанни, не выдержав этой воображаемой картины, вдруг закричала:

– Не надо! Прошу тебя!

Крик ее был так страшен, что они с мальчишкой оба оторопели и уставились друг на друга.

Потом лицо его расплылось в глазах Фанни, и она услы-

шала его жалобный, срывающийся детский голос:

– Не надо, не плачьте, вы что?

– Ничего, – сказала Фанни хрипло, с силой проводя рукой по лицу и сминая ресницы. – Я не плачу, это просто ветер.

– Да, – нерешительно согласился он и отвел было глаза, но тут же снова взглянул на Фанни чуть исподлобья, сквозь эти спутанные пряди волос.

Она не знала, не понимала, сколько прошло времени.

– Извините, – сказал, наконец, мальчик, – вам, наверное, пора. До свидания, спасибо большое.

Он протянул руку, и Фанни вложила в нее свою. Мальчишка тряхнул ее, легонько сжал, отпустил очень бережно, потом улыбнулся – ох, Пресвятая Дева, что же сделала с его лицом и глазами эта мгновенная улыбка, каким светом зажгла! – и ринулся прочь по мосту, перебежал набережную и исчез где-то в переулках, ни разу не оглянувшись.

Фанни точно знала, что он не оглянулся, она ведь смотрела ему вслед.

А вот чего она не знала, так это того, что на нее все это время тоже смотрели. Наблюдатель находился буквально в десятке метров от них – прятался между закрытых ларей, где днем топчутся букинисты. Ему было видно все, и по выражению лиц Фанни и этого спасенного юноши он вполне мог догадаться о содержании их разговора.

Наблюдатель всматривался и удовлетворенно кивал: все

шло по плану. Дай бог, чтобы события так же развивались и впредь.

Наблюдавший за Фанни человек не последовал за ней, когда она медленно пошла по мосту, а потом, наконец, победоносно. Со стороны могло показаться, будто она решила догнать парня, может, провести с ним еще одну душевную беседу, однако наблюдатель знал, что таков маршрут ее обычной утренней пробежки: через Пон-Неф, потом по набережной Сите до Пон-Рояль, потом через Тюильри и Лувр на площадь Колетт, мимо Комеди Франсез на улицу Ришелье, оттуда до улицы де ла Бурз, откуда всего несколько шагов до ее дома на углу рю де Колонн.

Этот человек хорошо знал маршрут Фанни, потому что следил за ней давно.

А вот о чем он не знал, так это о том, что за ним самим тоже кое-кто следил этим сумрачным февральским утром, которое, впрочем, с каждой минутой становилось все яснее. На сегодня синоптики обещали некоторое потепление, а прогнозы парижских синоптиков, как известно, всегда сбываются.

Почти всегда.

Санкт-Петербург, 1780-е годы

– Ну, друг мой, это несправедливо! – сказала однажды, смеясь, императрица Екатерина графу Александру Сергеевичу Строганову. – Вы, мужчины, чуть состаретесь, всюю начинаете приударять за молоденькими красотками, приманиваете их мощной да каменьями. А мы, женщины, разве хуже? Неужто думаете, что нас, когда мы в возраст входим, перестает молодая красота привлекать? Да ведь мы тоже живые! Отчего ж нам нельзя любить молодых красавцев – пусть и приманивая их не токмо ложем, но и всем, во что горазды по мере своего состояния и положения?

Этот разговор Екатерины с ее старинным приятелем происходил не по отвлеченному поводу: императрица тогда сгорала от страсти к двадцатидвухлетнему красавцу Александру Ланскому, и ей чудилось, что такой невероятной любви в ее жизни никогда не было.

Что ж, в этом и заключалось ее счастье и горе, что она всегда любила словно впервые. Однако Александр Ланской был истинно достоин такой любви.

Считается, что сильная женщина может вполне обойтись без мужчины. В крайнем случае станет иметь его только для постели. Трудно представить себе более сильную женщину, чем Екатерина. Однако она не могла обойтись без мужчины не только в постели и не только для здоровья. Ей нужно бы-

ло иметь мужчину в сердце своем – для нежности. И ей было наплевать, что окружающие считают ее фаворитов просто развратными мальчишками, которые ставят своей целью не любовь, а обогащение за счет страстей немолодой и одинокой женщины.

Нижний Новгород, за некоторое время до описываемых событий

Инсулиновая кома, вообще-то правильнее ее называть гипогликемической, но не это сейчас важно. Так вот, инсулиновая, или гипогликемическая кома – это такая штука, которая происходит с человеком внезапно, как бы ни с того ни с сего. К примеру, ваш попутчик в поезде вдруг дрожит, потеет, у него кружится голова, в глазах двоится, начинаются судороги, он теряет сознание и, вполне может быть, умирает на ваших глазах. Даже если вы врач и распознали признаки, вы ничем не можете помочь, настолько быстрым оказывается это внезапное, реактивное и очень значительное снижение уровня глюкозы в крови.

Гипогликемия – антипод диабета. Диабет лечат, как известно, с помощью инсулина, который именно что уменьшает содержание сахара в крови. Но если здоровому человеку, не диабету сделать инъекцию инсулина (или ввести его критическую дозу каким-то другим способом), он запросто может умереть.

По какой же причине это может быть сделано?

По небрежности медсестры, перепутавшей инсулин с другим препаратом (порой такие эпизоды происходят в лечебных учреждениях, другое дело, что они не афишируются, и

слава богу); при заболеваниях эндокринной системы; у запойных после пика опьянения; при некоторых почечных болезнях. Причин хватает, одним словом. Одна из них – прием сульфаниламидных сахароснижающих препаратов (особенно хлорпропамида), да еще на фоне нездоровых почек, печени или сердечной недостаточности.

Кстати, инсулин – очень удобный способ убийства. Удобный в том смысле, что трудно раскрываемый. Если прошло достаточно времени, чтобы инсулин растворился в крови, если попадетсЯ недобросовестный эксперт, который не обнаружит место инъекции...

Константинову повезло (если, конечно, уместно говорить о везении по отношению к покойнику): эксперт ему попался добросовестный, вдобавок некогда работавший на «Скорой помощи» и на случаи инсулиновой комы наглядевшийся. Поэтому он ее распознал, вернее заподозрил, несмотря на то что со времени смерти больного прошло семь часов.

Да-да, в первом часу ночи, сразу после отправления из Нижнего и проверки билетов Константинов попросил у проводницы чаю. Это вызвало недовольное ворчание пассажиров Шаповаловых, которые уже намеревались лечь спать, и нескрываемую насмешку А. В. Ил..., который выразился в том смысле, что пить так поздно и так много жидкости – верный способ встать утром с мешками под глазами. Константинов холодно ответил, что он человек семейный, ничего завлекать не собирается, а потому на мешки ему напле-

вать. Это адресовалось А. В. Ил..., а что касается Шаповаловых, им Константинов сказал, что никому мешать не намерен, выпьет чайку в коридоре, не велика беда, уж пусть они его извинят, он плохо себя чувствует, грипп начинается и слабость какая-то. Выглядел он и правда не очень. Шаповаловы устыдились, забежали-замекали, мол, ничего страшного, пусть пьет свой чаек, не час же он его будет пить, а минут пять-десять, они потерпят. Константинов все же вышел в коридор, и проводница уже там вручила ему стакан с чаем и кубики сахара. Положил ли Константинов сахар в чай или выбросил, она не знала: стакан пассажир сдал, и проводница Якушкина его тогда же вымыла. Но что она своими глазами видела и в чем клялась – это что Константинов запивал чаем какие-то таблетки, которых принял несколько штук.

Какие таблетки? Наука на этот счет не пришла ни к какому мнению, а в карманах Константинова нашли только пустую упаковку от но-шпы. Да-да, вот и проводница Якушкина подтверждает, что таблеточки были маленькие, бледно-желтые, на но-шпу очень похоже. Но ею отравиться никак нельзя, да и сколько таблеток но-шпы принимают нормальные люди? Одну, две, пусть три при остром спазме. Даже и десятком таблеток но-шпы невозможно отравиться, и уж никак они не способны спровоцировать гипогликемическую кому. Эксперт после вскрытия настаивал, что Константинов принял хлорпропамид или какой-то его аналог. Как известно, хлорпропамид усиливает действие инсулина, отче-

го и применяется при сахарном диабете. Но у Константинова сахарного диабета быть никак не могло.

При осмотре тела обнаружили следы многочисленных внутривенных инъекций. Однако они явно не были свежими, и вообще прошло не меньше суток с момента последнего укола и до смерти Константинова. Введенный препарат установить не удалось. Словом, внутривенное введение инсулина или хлорпропамида, которое могло спровоцировать мгновенную кому, явно ни при чем.

Похоже было, что загадочный А. В. Ил... не имел к смерти соседа никакого отношения. Здесь ведь еще не только с точки зрения сухой медицины нужно посмотреть. Сделать смертельный укольчик, а потом спать с покойником в одном купе, да еще замешкаться с выходом – рискованно!.. И потом, очень уж случайно попал А. В. Ил... в четвертое купе. Явись на свое место Ломакин А. Н., и вовек не оказаться бы А. В. Ил... рядом с предполагаемой жертвой.

Так, может, никакая Константинов не жертва? Может, и убийства-то никакого не было?

Может, и не было. Однако был труп, и все указывало, что он сделался таковым по причине все-таки не вполне естественной. Следствие продолжалось.

Само собой разумеется, оно не оставило без внимания гражданина Ломакина А. Н. Поскольку номер его паспорта был занесен в компьютер при продаже билета, нашли его в два счета, благо жил он в самом центре города, на Звездинке,

в тех красных кирпичных высотках, которые при советской власти считались самым престижным жильем (не считая, конечно, «сталинок» на улице Минина и на Верхне-Волжской набережной) и даже были прозваны «дворянским гнездом», ну а теперь, когда понастроили там и сям всяческих «элиток», стали просто не слишком удачно спроектированными домами, ценными только потому, что находились в отличном районе, в центре верхней части Нижнего Новгорода (вот-вот, это город контрастов).

Гражданина Ломакина явившиеся застали в горизонтальном положении и практически бессознательном состоянии. Он лежал под капельницей. При нем находился врач, приятель Ломакина, делавший ему так называемое прокапывание – процедуру, хорошо известную алкоголикам, которые пытаются прийти в себя после запоя. Увы, Ломакин оказался запойным алкоголиком, который очень часто, слишком часто впадал в состояние, далекое от реальности. Сын некогда высокопоставленных родителей, он был обладателем недурной квартиры, но в ней царил такой беспорядок, что тут даже выдавшие виды дознаватели развели руками.

Пришлось подождать, пока Ломакин придет в себя. Время ожидания тоже пошло в плюс: врач «Скорой», вызванный Ломакиным в тот миг, когда он почувствовал, что больше пить не может и пережить последствия ранее выпитого не в силах, категорически подтвердил, что в течение последней недели его клиент никак не мог совершить никакое преступ-

ление на гастролях, поскольку находился в состоянии жестокого запоя. Даже если он и собирался поехать в Москву и взял туда билет, о своем намерении он благополучно забыл.

Забыл, что характерно, напрочь. Когда Ломакин очухался и стал худо-бедно отвечать на вопросы, он вообще не мог взять в толк, о чем его спрашивают. Какая Москва? Какие билеты?

Его попросили предъявить паспорт. Ломакин, стеновая и держась за голову (кто прокапывался хоть раз в жизни, понимает, какие героические усилия прилагал несчастный), попытался его отыскать, но не смог.

– Где вы могли его потерять, гражданин Ломакин?

Согласитесь, вопрос вполне резонный.

– Да где угодно.

– Давно вы им в последний раз пользовались?

– А черт его знает, не помню.

– Украсть его у вас кто-нибудь мог?

Пожимает плечами.

– Да кому он нужен? Нет, вы посидите, я еще поищу.

Паспорт так и не обнаружился.

Или Ломакин врал, или забыл, что собирался в Москву. Или совершил это отнюдь не противоправное деяние в полной бессознанке. Или, что более вероятно, кто-то нашел потерянный паспорт Ломакина и купил по нему билет. Или, что тоже вполне возможно, украл этот самый паспорт, чтобы купить билет до Москвы, чтобы оказаться в одном купе

с Константиновым, чтобы...

Чтобы что? Принудить его выпить в ударном количестве хлорпропамид и спровоцировать инсулиновую кому?

Но ведь проводница Якушкина видела, что Константинов принимал желтенькие таблеточки, похожие на но-шпу, в полном одиночестве в коридоре вагона. Сам, по доброй воле. Ему не нужен был никакой провокатор, скрывавшийся под личиной Ломакина А. В.

Тогда за каким чертом понадобился трюк с билетом?

Или исчезновение паспорта Ломакина, появление на его месте загадочного А. В. Ил... и смерть Константинова никак между собой не связаны? Случайности, сошедшиеся в одной точке времени и пространства, не более того?

Как бы там ни было, чтобы докопаться до истины, следовало познакомиться с семьей покойного.

Париж, наши дни

Фанни и сама не могла сказать, удивилась ли она, когда вдруг подняла глаза от счета и увидела этого мальчишку. Он стоял к ней спиной и терзал рычаги изрядно уставшего от жизни игрального автомата *Lucky Jack* – пытался заставить этого идиота-ковбоя выстрелом из непомерно большого кольца сбить перо с головы вождя, полинявшего от времени и козней белых. Если бы это случилось, выпал бы джек-пот и играющий получил бы стакан пива, целую гору жетончиков, скопившихся за день в брюхе автомата, а еще право на одну бесплатную игру в день хоть до скончания века – своего или старикашки *Lucky Jack'a*. Фанни наблюдала за подобными попытками посрамить вождя Орлиное Перо вот уже, не соврать, лет тридцать – с тех самых пор, как Поль-Валери, прежний хозяин бистро *Le Volontaire*, купил этот игральный автомат и поставил его в углу за вешалкой. Летом автомат был хорошо виден, а теперь, в феврале, вешалка топорщилась множеством навьюченных курток и плащей, поэтому Фанни не сразу увидела парня, хотя обычно краем глаза примечала всех вновь пришедших клиентов. Наверное, он появился, когда она отходила на кухню.

Но вот она вернулась за свой столик, заваленный кипами счетов и стопкой налоговых деклараций, и села, устремив невидящий взгляд в бумаги. Да, Фанни не любила ра-

ботать в директорском кабинете, там было душно, скучно и слишком многое напоминало о скандале, который всего лишь год назад устроили ей племянники Поля-Валери, желавшие оспорить его завещание и заломившие непомерную цену, когда Фанни предложила выкупить бистро в свое полное владение. Подняла глаза, окинула привычным взглядом зал, привычно возблагодарила бога за то, что *Le Volontaire* все же достался ей, привычно улыбнулась бездельнику Арману, который по привычке тарасился на нее из-за своего столика, втиснутого между колонной и стойкой с моделью фрегата – того самого, на котором восемнадцатилетний маркиз Мари Жозеф Поль Лафайет некогда отправился добывать свободу американским поселенцам. Фрегат назывался «Le Volontaire» и был, как любил повторять Поль-Валери, тотемом бистро.

Итак, Фанни улыбнулась бездельнику Арману, вид которого уже третий день наводил ее на какую-то мысль, которую Фанни никак не могла задержать, поморщилась от ржавого, утомленного скрипа *Lucky Jack'a* и вдруг увидела около автомата рыжую потертую куртку и сизые джинсы, обтянувшие длинные ноги.

На воротник куртки небрежно падали темные спутанные волосы, и Фанни наконец сообразила, в чем там было дело с Арманом: он странным образом напоминал ей того несостоявшегося самоубийцу с моста Пон-Неф. То-то лицо мальчишки тогда показалось ей знакомым! Не то чтобы они бы-

ли настолько уж схожи с потасканным, прокуренным тридцатилетним Арманом, просто типаж был один: оба среднего роста, худые, длинноногие, оба темноволосые, у обоих в лице что-то испанское, а может, итальянское или, кто их знает, мавританское.

Арман, к слову, вот уже почти полгода изо дня в день таскался в *Le Volontaire* и с утра до вечера таращился на Фанни. Вместе с ним приходила большая белая собака, похожая на ретривера, только более косматая, и тихо ложилась в углу. Никто не знал, как ее зовут, Арман уверял, что она не имеет к нему отношения, живет где-то неподалеку, а к нему прибилудилась, и звал ее просто Шьен («собака»). Шьен лежала в своем углу день-деньской, переводя взгляд с Армана на Фанни. Когда Фанни уходила, исчезал и Арман со своей псиной, поэтому бармен Сикстин и официантка Мао были убеждены, что бездельник Арман ходит в *Le Volontaire* вовсе не потому, что так уж любит попивать терпкий кисловатый кир (каждая пятая рюмка за счет заведения), сколько потому, что влюблен в мадам. Кстати, Шьен, уверяли они, тоже питает к ней какие-то особые собачьи чувства. Какого мнения придерживались на этот счет Симон и Симона, Фанни не знала, потому что этих двоих ничто не интересовало, кроме выяснения собственных отношений.

Самой Фанни от всех этих догадок, как и от пристального внимания Армана и Шьен, было ни жарко, ни холодно, она молодого человека, как принято выражаться, в упор не

видела, улыбалась ему совершенно автоматически, и только мысль о том, что он ей кого-то напоминает, заставила ее взглянуть на него лишние два-три раза за последние дни. Но едва она увидела сизые джинсы и рыжую куртку, как снова забыла об Армане и Шьен и призналась себе: вчера она задержалась на мосту Пон-Неф только потому, что смутно надеялась увидеть там этого мальчишку, а сегодня пробежала мост, не задерживаясь, потому что наказывала себя за эти глупые надежды. Еще более глупые, чем надежды на возвращение Лорана!..

Разумная женщина, конечно, пожалала бы плечами и снова уткнулась в налоговую декларацию, которую никак не могла заполнить. Однако Фанни этого не сделала. Она выбралась из-за своего столика, приблизилась к парню и встала сзади, то косясь на его худые пальцы, тискавшие рычаги *Lucky Jack'a*, то глядя на эти темные пряди, разметавшиеся по воротнику куртки.

Вождь Орлиное Перо с годами не утратил верткости, даром что краска на нем облупилась, а Счастливчик Джек так и не научился стрелять из своего дурацкого кольта. Обычно его тупость охлаждала самых азартных игроков. Но на сей раз в учителя Джеку достался человек упорный. Можно подумать, парень решил отомстить Орлиному Перу за все индейское коварство, с которым сталкивались белые поселенцы. Он ничего не видел вокруг себя, где уж ему было увидеть Фанни, которая затаилась за его спиной. Монетки

в десять, двадцать и пятьдесят евросантимов сыпались в суму ненасытного вождя, выстрелы грохотали, пули свистели, Джек промахивался снова и снова, индеец победительно мотал орлиным пером, мальчишка выгребал из карманов новые пригоршни монет... Да, из тех самых карманов, которые несколько дней назад были набиты камнями, заботливо припасенными несостоявшимся утопленником. Вот уж воистину все проходит: спасительная банальность, которую Фанни подбрасывала ему там, на мосту, в очередной раз подтвердилась.

Она не выдержала и рассмеялась.

Мальчишка глянул через плечо, буркнул «бонжур» и послал в голову Орлиного Пера еще одну пулю. Но через минуту резко обернулся и уставился на Фанни:

– Это вы? Что вы здесь делаете?

Наглец!

– А ты? – Фанни нарочно обращалась к нему на «ты». – Ты что здесь делаешь?

Сегодня щеки его были выбриты, волосы старательно зачесаны назад и смазаны гелем.

«Раздумал топиться?» – хотела спросить она, но благоразумно прикусила язычок, тем более что вид у парня был по-прежнему не ахти: чернота под глазами никуда не ушла, а щеки запали еще сильнее. Если он и раздумал топиться, то, пожалуй, ненадолго. Надо быть осторожней, не напоминать ему, а то еще ринется опять к Сене, а вдруг там не окажется

никого, кто схватит его за...

Пардон.

– Что я здесь делаю? Играю, как видите. Вот, я разбогател, – он выгреб из кармана новую пригоршню, – правда, вроде того солдата из «Огнива», которому встретила собака, охранявшая сундук с медными деньгами. Но потом ему повезло и с серебром, и с золотом, может, повезет и мне.

Фанни не поняла, о чем он говорит. «Огниво» – какая-то анимашка диснеевская, что ли?

– Работу нашел? Или милостыню просишь?

Парень глянул косо и отпустил рычаги автомата.

«Сейчас обидится и уйдет!» – подумала Фанни и с трудом подавила мгновенное желание схватить его за руку и удержать. И разозлилась на себя. Дьяболо, да ей-то что? Пусть уходит, откуда пришел.

Однако он смотрел без обиды и даже улыбнулся.

– Не просил, но это и правда милостыня. В тот день, когда мы с вами встретились, ну, вы помните, в каком я был состоянии...

«Ничего я не помню!» – хотела отрезать Фанни, но промолчала, потому что не любила врать.

– Так вот, – продолжал мальчишка, – я бродил по улицам, по мостам, потом пришел к какому-то собору, знаете, такому большому, серому, с двумя башнями и колокольней, там еще на крыше собачьи морды торчат во все стороны, и сел под стеночкой – устал до смерти.

Фанни уставилась на него во все глаза. Судя по всему, собор, где он сел под стеночкой, звался всего-навсего Нотр-Дам, и до сего дня Фанни не могла себе представить человека, который не знает о его существовании. Оказывается, такой человек существует и даже стоит перед Фанни.

Жан-простак! А интересно, как его зовут на самом деле? И зачем он побрился?

Н-да, ну и вопрос. Все мужчины бреются, даже бездельник Арман, неряшливей которого Фанни в жизни не видела. Но этот мальчишка побрился все же зря.

– Сел и заснул, – продолжал он доверчиво. – Ночь я не спал и до этого тоже, поэтому уснул, а когда проснулся – кругом народу тьма, все с фотоаппаратами. Галдят, входят в этот собор, выходят, и все мимо меня, и буквально каждый, если не каждый, то через одного, бросают около меня монетки. Я когда глаза открыл, подумал, что все еще сплю, столько вокруг меня медяшек валялось. Может, они подумали, что я какая-то местная достопримечательность? Новый Квазимодо?

Вот тебе и Жан-простак! Да, но зачем он так зализал волосы? Растрепанные пряди шли ему гораздо больше.

Фанни представила, как он сидит под стеночкой Нотр-Дам: волосы падают на лоб, щеки небриты, под глазами чернота, запекшиеся губы приоткрыты во сне... Жаль, что эти глазищи были закрыты, не то наверняка нашлись бы дамы, которые бросали бы ему не монеты, а купюры, и даже не са-

мые мелкие!

– Я сначала их сосчитать хотел, эти денежки, а потом со счета сбился, – болтал между тем мальчишка. – Думал пойти в какой-нибудь маркет, чтобы кассирша на бумажки обменяла, здесь небось евро десять или даже двадцать наберется. А потом вспомнил, что я один раз видел такое в России: пришел в магазин какой-то бомж замусоленный, сдал кучу мелочи, которую ему добрые люди подавали, потом пошел и чебурек себе купил на улице, я видел. Что же я, как этот бомж, пойду и куплю чебурек? И не стал сдавать.

Видел такое в России, он сказал? Он что, из России? Этого только не хватало!

– Ты русский? – спросила Фанни хрипло.

– Да, а что? – Он независимо вскинул голову, и стало ясно, что не так уж сильно зализаны у него волосы: несколько прядей упали-таки на лоб, и он их смахнул. – Вы имеете что-то против русских?

Год назад она к ним вообще никак не относилась, однако с тех самых пор при слове «русский» ее словно колют иглами в нервные сплетения, причем во все сразу! Потому что Лоран был русским.

Еще один русский на голову Фанни!

А собственно, почему на голову? Какое ей до него дело? Вообще не слишком ли долго она с ним болтает в разгар рабочего дня? Там, на столике ее ждет целая пачка бумаг. А Фанни, между прочим, сегодня закрывать бистро, а потом

еще ехать в пятый аррондисман¹ на рю де Валанс – взять у тетушки Изабо рецепт, чтобы завтра привезти лекарства от ее неумолимого артроза. Надо сказать этому мальчишке «чао» и пойти заняться своими делами. Нет, вообще ничего не нужно говорить, много чести.

– Тебя как зовут? – спросила Фанни.

– Роман. Роман Константинов.

Хорошее имя. Его легко произносить. Она думала, что у всех русских имена и фамилии такие, что язык сломаешь. Например, Ил-ла-ри... нет, не выговорить. Лоран, Лоран.

– Роман, – повторила она. – Роман, Роман...

И, пробормотав почему-то *bonne journée* («удачного дня») вместо более естественного сейчас *bonne soirée* («удачного вечера»), Фанни поспешно отошла к своему столику и принялась нажимать на кнопки старенького, еще Полю-Валери принадлежавшего калькулятора с незнакомым себе и этой заслуженной машинке ожесточением. Калькулятор тихонечко поскрипывал, мучился, но терпел. А что ему еще оставалось делать? Если бы он позволил себе проявить характер и допустил оплошность, его просто-напросто выкинули бы в пубэль, в мусорку, как повыкидывали уже многих его собратьев 1980 года выпуска и даже более молодых. Ему еще повезло, что его хозяйка – сентиментальная дурочка, которая живет воспоминаниями больше, чем реальностью (да, Поль-Валери когда-то так называл Фанни, а калькулятор слышал

---

¹ Arrondissement (фр.) – округ, район.

и все мотал на свой электронный ус).

Калькулятор, значит, поскрипывал, мазила Джек стрелял и стрелял. Звуки этих выстрелов Фанни слышала, слышала, слышала, а потом вдруг раз – оказалось, что в бистро полная тишина. Нет, конечно, по-прежнему стучали бильярдные шары, и звенели стаканы, и Мао вызывающе похохатывала, крутя попкой между столиками, и телевизор стрекотал, пророча на завтра по всей Франции хорошую, просто очень хорошую погоду. Еще около музыкального автомата кто-то перебирал старые (вечные) песенки Джонни Холлидея и Сильви Вартанс (куплет его, куплет ее), словно они снова были вместе, как тогда, в 1960-е, когда эти песенки свели с ума Поля-Валери, который и заполнил ими свой музыкальный автомат; две девицы из ближайшего отделения банка BNP взахлеб обсуждали над тарталетками с малиной предстоящую свадьбу какой-то Лии с каким-то Оливье (ну и дурак он, получше не мог найти, что ли?); седой, красивый мсье Валуа, торговец картинами, обхаживал какую-то толстую даму с испуганными коровьими глазами, которая, судя по всему, в жизни не слышала ни о каком Фудзите², этюд которого так расхваливал ей Валуа, и никак не могла взять в толк, почему этот мсье называет великим французским художником какого-то японца. Посторонний человек сказал бы, что в *Le Volontaire* оглохнуть можно, так здесь шумно,

---

² Фудзита Цукахару – знаменитый французский живописец, по происхождению японец, живший и творивший в Париже в первой половине XX века.

однако Фанни почудилось, что наступила глухая, унылая тишина, потому что она больше не слышала выстрелов *Lucky Jack'a*.

Обернулась – и не поверила своим глазам.

Вот это да! Орлиное перо валялось у ног посрамленного вождя, Джек с законной гордостью сушил в улыбке зубы. Победителя у автомата не было.

Фанни повернулась к стойке: может, Роман попивает там свое законно выигранное пиво?

Однако его не оказалось и там. Она уже приподнялась было, чтобы спросить бармена, выплачивал ли он выигрыш грозе индейцев, как вдруг перехватила насмешливый взгляд Армана – и снова плюхнулась на стул.

Почему Арман так странно смотрит? Что его развеселило, интересно знать? И почему у нее такое чувство, будто ей что-то нужно было спросить у Романа, что-то бесконечно важное, а она не успела и больше никогда его не увидит?

Увидит, увидит!

Нижний Новгород, за некоторое время до описываемых событий

Итак, семья покойного Константинова.

Валерий Сергеевич был дважды женат и имел от первого брака сына. Мать этого сына, бывшая жена Константинова Галина Ивановна работала медицинской сестрой в нижегородской психиатрической лечебнице на улице Ульянова. Двадцатипятилетний сын Роман был тренером в фитнес-клубе «Латина». С этой семьей Константинов прожил восемнадцать лет. После развода он сошелся с Эммой Петровной Шестаковой, преподавательницей французского языка на подготовительном факультете Лингвистического университета.

Нет, Эмма Петровна вовсе не была юной красоткой, при виде которой бес просто обязан ткнуть под ребро не слишком молодого мужчину и ввести его во грех. Она оказалась всего на два года младше первой жены Константинова и на три – его самого. Константинову, видимо, не хотелось обременять себя новыми формальностями, да и Эмма Петровна не слишком мечтала о печати в паспорте, поэтому жили они в гражданском браке.

Маленькая деталь: Эмма Петровна с юности была дружна с Галиной Ивановной, и тот факт, что Эмма увела мужа у по-

други, их отношения не больно испортил. Они по-прежнему подолгу болтали по телефону, иногда ходили вдвоем в театры, или кино, или на какие-нибудь вернисажи, которые Эмма Петровна обожала. Кроме того, она была дамой спортивной, за собой очень следила и даже пыталась заставить Галину бегать по утрам, записаться в тренажерный зал, ходить на аэробику (сын-то преподаватель, вроде сам бог велел), на шейпинг, наконец, на восточные танцы, сейчас такие модные и для женского здоровья, говорят, очень полезные. Сама Эмма успевала и там и сям, однако Галина Ивановна не относилась к числу несчастных женщин, чей духовный возраст резко отстает от физического, а потому предпочитала мирно и естественно увядать, а не носиться в семь утра над Волгой в погоне за убегающей молодостью и не трясти животиком (тем паче, что животик у нее был довольно внушительный, не то что у подтянутой, тренированной Эммы), изображая перезрелую красу гарема. Что ж, блажен, кто смолоду был молод, а впрочем, каждому свое!

Роман Константинов хорошо относился к мачехе, отца уходом из семьи не попрекал, уважал его право на личную жизнь и даже, кажется, на любовь. В конце концов, сошелся Валерий Сергеевич с Эммой по внезапно вспыхнувшей обоюдной любви. Правда, любовь со временем поостыла, брак их оказался не слишком крепким: пожив сначала вместе в квартире Эммы, Константинов и Шестакова за полгода до его смерти решили разъехаться и жить врозь, хоть и продол-

жали видаться.

Однако и в первую семью Валерий Сергеевич не вернулся, а купил себе жилье в том самом доме, где жила Эмма, и поселился там. Причем расстались Константинов и Шестакова не потому, что крепко поссорились, просто, по словам Эммы Петровны, они сошлись уже слишком взрослыми, пожившими людьми, каждый «с набором своих причуд» (ее собственные слова, зафиксированные в протоколе следствия), и быстро сообразили, что сосуществовать с этими самыми причудами вряд ли смогут. Чтобы не доводить дело до войны, они жили теперь врозь, встречаясь лишь для приятностей взаимной любви.

Константинов был человеком зажиточным, хоть и не богатым: владел небольшой книготорговой фирмой. Не исключено, что у него могли возникнуть трения с налоговиками, если бы у кого-то возникло желание сопоставить доходы от официально декларируемой деятельности фирмы с расходами ее владельца. Все-таки трехкомнатную квартиру в центре Нижнего за гроши не купишь. Да и обставить ее антикварной мебелью не слишком дешево стоит. Константинов же был любителем антиквариата и завсегдагаем немногочисленных салонов Нижнего Новгорода, но чаще выбирался в Москву, откуда привозил разные предметы старины. В очередной такой вояж он и собирался в роковой вечер 31 января.

Эмма Петровна бывшего мужа (или сожителя, выражаясь

языком полицейского протокола) не провожала: подхватила грипп и лежала в постели. Она и с дознавателем говорила еле живая от температуры и пережитого потрясения. Вообще на людей, окружавших покойного Константинова, несчастье набросило странную трагическую тень. Об Эмме Петровне уже сказано. Однако грипп – дело вполне житейское. С сыном же Константинова Романом приключилась история еще ужаснее.

Оказывается, Роман собирался проводить отца в поездку. Тот хотел почитать какую-то модную книжку, которую Роман недавно купил. В фирме Константинова этой книги не имелось, вот Валерий Сергеевич и попросил сына принести ее, чтобы взять в дорогу. Заехать к отцу домой Роман не успел, но и не исполнить просьбу не мог, а потому глубоким уже вечером сунул книжку в рюкзачок, сел на маршрутку и поехал на вокзал в надежде успеть к отправлению поезда «Нижегородец».

На площади Горького в маршрутку ввалилась компания каких-то отморожков. Неподалеку от Романа сидела скромная девушка с нотной папкой, которая привела компанию в безудержный восторг. Еще бы, кто же нынче ходит с нотными папками? Парни стали цепляться к папке и ее владелице, а поскольку манера выражаться у них была самая что ни на есть *прикольная* (кастрировать бы того, кто внедрил в нашу речь это словечко), девушка общаться с ними не пожелала. Тогда *пацаны* обиделись и стали папку выдирать, девчонку

лапать и вообще потребовали, чтобы она у них попросила прощения за то, что их *не уважает*, или они *отымеют* ее прямо в маршрутке (слово было употреблено другое, но его никакая бумага не выдержит – со стыда сгорит).

Водитель гнал и гнал, не обращая ни на что внимания. Кондукторша попыталась урезонить компанию, но ее послали так далеко и в таких выражениях, что она отвернулась от салона и молилась только, чтобы им скорее прибыть на вокзал. Немногочисленные пассажиры в происходящее никак не вмешивались: жизнь, знаете ли, учит. Девочка отталкивала пьяные рожи и жалким голосом просила:

– Не надо, помогите! Помогите!..

Наконец Роман, который все это время тоже упорно таращился в темное стекло, делая вид, что скандал его никак не касается, не выдержал.

– Ладно, кончайте, ребята, – сказал он вполне миролюбиво. – Сейчас на Московский вокзал приедете – там сколько угодно найдете хороших, сговорчивых...

– А мы *хочем* эту, – завопили *пацаны*, – и если ты, пидор, будешь нам мешать, то мы тебе сделаем то-то и то-то, *поял*?

– *Поял*, – ответил Роман. Вынул из кармана мобильник, набрал 02, а пока *пацаны* ошалело на него таращились, попросил ответившего дежурного, чтобы постовые на Стрелке задержали такую-то маршрутку, в которой распоясались хулиганы.

Он даже не успел отключить телефон, как его вырвали из

рук и выбросили в окно. Потом *пацаны* схватили Романа за руки и за ноги и потащили к двери.

– Останови! Открывай! – заорали они водителю, пытаясь вышибить двери Романом. Водитель нажал на клаксон, и с той стороны моста, где был пост полиции, уже мчалась патрульная машина, и еще одна ринулась вслед от Нижегородского райотдела, куда был сразу передан вызов...

Когда две полицейские машины блокировали маршрутку при въезде на мост, пацаны спохватились, конечно, и даже оказались готовы к мирным переговорам, однако Роман уже валялся на полу без сознания, основательно избитый, с сотрясением мозга и двумя сломанными ребрами, что и выяснилось, когда его отправили в больницу на спешно вызванной «Скорой помощи». В суматохе куда-то исчез его рюкзачок с книжкой для отца и портмоне, в котором лежали деньги и паспорт. Об этом Роман узнал уже на больничной койке. С нее, правда, пришлось вскоре подняться, потому что он должен был заняться похоронами отца и матери. Да-да, Галина Ивановна умерла от разрыва сердца, когда ее вместе с Эммой Шестаковой вызвали на опознание трупа Константина В. С.

Вообще нервы человеческие, тем паче женские – штука довольно странная. Галина Ивановна хоть и со слезами, но стойко подтвердила, что этот голый мертвец на столе прозектора – ее бывший муж, а потом, когда вышла в коридор, где ожидал следователь, предъявивший ей протокол с места дей-

ствия и список найденных у Константинова вещей, вдруг лишилась сознания, упала и спустя несколько минут внезапно скончалась. Эмма Петровна была при этом, и какое-то время следователь за ее состояние тоже побаивался, так она побледнела. И, что характерно, тоже вполне мужественно держалась в мертвецкой, а выйдя оттуда...

Все-таки как еще часто попадают в следственные органы люди случайные, не умеющие проникнуть в суть вещей и событий. Любой другой на месте этого следователя мигом смекнул бы, что и Галина Ивановна, и Эмма Петровна потрясены тем, что обнаружили в списке вещей их общего мужа.

Вернее, тем, чего не обнаружили.

Париж, наши дни

Странно, но Фанни совсем не удивилась, когда, возвращаясь от тетушки, спустилась в метро и на пустой платформе станции «Центр Добентон» обнаружила знакомую фигуру в рыжей куртке и сизых джинсах. Она только обреченно вздохнула и медленно подошла к Роману.

Тот, впрочем, ее даже не заметил, а продолжал трудиться над автоматом с печеньем и орешками: снова и снова опускал в прорезь монетку в один евро и нажимал на кнопку. Монетка со звоном выскакивала в лоточек, куда должны были свалиться упаковка с печеньем или пакетик орехов, Роман вытаскивал ее, опускал в прорезь, нажимал на кнопку... Результат оставался прежним, то есть никаким.

Фанни пару минут постояла за его спиной, совсем как днем стояла там, в бистро, понаблюдала, тая улыбку, потом проговорила:

– Привет, что ты здесь делаешь?

Роман обернулся, смерил ее взглядом, тоже, кажется, не удивился этой новой встрече и ответил рассеянно:

– Как что делаю? Пытаюсь выманить у этой жадины какой-нибудь чебурек, а то есть очень хочется.

Вот оно! Вот о чем она хотела у него спросить, вот почему целый день о нем думала, с облегчением сообразила Фанни.

– А что такое чебурек?

– Чебурек?.. Такой плоский пирог с мясом, восточное блюдо. Бывает очень вкусно, а бывает – гадость ужасная.

– Не хуже, чем это печенье. – Фанни с отвращением посмотрела на «меню» автомата.

– Да ладно, вот эти шоколадные очень даже ничего. Только с автоматом какие-то проблемы.

– Это не с автоматом проблемы, а с твоей монеткой, – усмехнулась Фанни. – Скажи на милость, почему ты опускаешь один евро, если ясно написано, что нужно два?

– У меня нет двух евро, – пожал плечами Роман. – Думаю, может, эта железяка сжалится? Я ведь на ковбоя в вашем бистро всю свою милостыню спустил, только так ничего и не добился.

– Как не добился? Когда ты ушел, я посмотрела: перо сбито! Я еще удивилась, что ты не взял выигранное пиво.

– А, это, видно, последний выстрел сбил перо. Я нажал на рычаг и даже не посмотрел, как там и что, повернулся и ушел, – равнодушно пояснил он. – А пиво я не пью, терпеть его не могу. В России все как ошалелые сосут это пиво из огромных таких пластиковых бутылок. Осоловелые с восьми утра, глазки в кучку – нация упившихся обормотов... Ну их вместе с пивом!

В эту минуту подошел поезд. Фанни глянула на него и не тронулась с места.

– Вы не едете? – удивился Роман.

«Что я, с ума сошла?»

– Еду, конечно! До свиданья.

– Почему? Я тоже еду.

Роман схватил ее за руку, подтащил к ближнему вагону и замешкался перед дверью.

«Он что, раздумал?»

Фанни нажала на зеленую круглую кнопку. Дверь распахнулась, она вскочила в вагон, Роман следом.

– Черт, – фыркнул он, – вечно забываю, что надо на эти кнопки нажимать. В России двери в метро открываются автоматически.

– Во Франции такие поезда тоже есть.

– Прошу вас. – Роман придержал откидное сиденье, подождал, пока Фанни сядет, потом плюхнулся сам. Вытянул длинные ноги, обтянутые джинсами, и уставился на список станций, которые предстояло проезжать.

Фанни покосилась на его профиль и быстро, незаметно вытерла о юбку руки (у нее вдруг вспотели ладони). Пришлось откашляться, прежде чем удалось выговорить:

– Значит, в России все плохо, здесь, как я поняла, тоже не ладится. Вы с матерью где живете, в общежитии для иммигрантов?

– Жили сначала, но ей там не понравилось. Мы жилье снимаем, кстати, недалеко от вашего бистро. Знаете дом напротив агентства «Кураж», на рю де Прованс? Там еще три антикварные лавки внизу и буланжерия.

– Большая у вас квартира?

– Какая квартира, – хмыкнул Роман, – комнатка для прислуги.

– Что? – Фанни так и ахнула, представив себе эти комнатки под крышей: максимум двенадцать метров, тут же раковина и газовая плита, туалет, как правило, в коридоре, окно выходит прямо на черепичную крышу, летом раскаленную от жары, а зимой в этих комнатках холодно, как в холодильнике, потому что у них нет отопления. – Комнатку для прислуги? Но ведь там невозможно жить!

– Невозможно, – покладисто кивнул Роман. – Поэтому я и шатаюсь целыми днями где попало, только бы дома не сидеть. Брожу по городу... Красивый город, что и говорить, приятно в нем жить, особенно если есть к кому прижаться ночью и с кем потрепаться днем.

Фанни снова покосилась на его профиль и снова вынуждена была откашляться, чтобы прогнать внезапную хрипотцу.

– Да неужели?..

И осеклась. Чуть не спросила: «Да неужели такому ослепительному красавцу не к кому прижаться ночью?»

– Неужели ты не работаешь, если целыми днями бродишь по городу?

– Нет, я не работаю, – сухо ответил Роман. – Мать работает. А я маменькин сынок, на ее шее сижу. Она меня сюда притащила, теперь пусть ищет выход. Я не больно-то хотел ехать. Наш город – помойка, конечно, но все-таки я на этой помойке родился и чувствовал себя на ней как дома.

Как-нибудь приноровился бы жить в куче мусора и питаться отбросами. А мать как с ума сошла, когда письмо получила от одной своей подружки. Она с мужем и детьми приехала в Париж как бы в турпоездку, а здесь взяла и попросила политического убежища. Представляете, им как-то удалось доказать, что в России их угнетали из-за того, что муж наполовину еврей. Полная чухня, но им как-то удалось получить вид на жительство. Оба на работу устроились, дети учатся, какое-то пособие они получают... Повезло, в общем. Мать и ринулась сломя голову, а я, дурак, потащился за ней. Единственное, что меня извиняет, – я тогда после смерти отца плохо соображал.

– Отец умер? – Фанни покачала головой. – Печально.

– Он не просто умер, – хмуро сказал Роман, – его убили. Убили и ограбили. Между прочим, именно после этого мы с матерью остались практически нищими. Денег нет, жить не на что...

– Боже ты мой!

Фанни только успевала всплескивать руками. Конечно, она и раньше слышала, что Россия по-прежнему та же страна медведей и произвола, какой ее описывал любимый Дюма-пэр в романе «Учитель фехтования», однако она надеялась, что перестройка и все такое... – Боже ты мой, почему же вам не помогло государство?

– Какое государство, вы что? – Роман снисходительно посмотрел на нее. – У нас в России испокон веков каждый за

себя, один бог за всех. Но такое впечатление, что и он на нас плюнул с высокой башни, причем давным-давно. Ладно, ничего, как-нибудь выживем. Я тут от нечего делать в русскую библиотеку стал похаживать, на рю де Валанс, дом одиннадцать...

Так вот почему он оказался в этом районе, на этой станции метро! Хотя нет, глупости. Сейчас почти одиннадцать вечера, никакая библиотека, пусть даже и русская, не может работать в такое время. Может, задержался у какой-нибудь хорошенькой библиотекарши? Тоже глупости: Фанни как-то имела случай наблюдать двух, безусловно, привлекательных, но весьма почтенных и избыточно серьезных дам, работающих в русской библиотеке на рю де Валанс.

Как бы повернуть разговор, чтобы Роман проговорился, что он делал здесь, на станции «Центр Добентон»?

– Я отлично знаю этот дом одиннадцать, – перебила Фанни, – там живет моя тетушка. Только библиотека на первом этаже, а тетушкина квартира на третьем.

– Так вон вы откуда едете, – кивнул Роман. – Несли, так сказать, бремя родственного долга. А я не люблю стариков, с ними ужасно тяжело. Они нас считают идиотами и молоко-сосами, а свой маразм выдают за высшую мудрость. У нас в подъезде живет одна така-ая гранд-дама, говорят, обедневшая графиня. Понятно, на нас она смотрит будто на каких-то насекомых.

– Мое бремя не столь уж тяжкое, – засмеялась Фанни. –

С теткой мне повезло! Ей, правда, недавно исполнилось восемьдесят пять, однако до маразма ей далеко, как отсюда до Луны. Она просто чудо!

И тут же Фанни прикусила язычок. Нет, она не пожалела, что отдала должное тетушке Изабо, однако зачем было называть Роману ее возраст? Ведь он легко может сделать простейший логический вывод: если тетке восемьдесят пять, племяннице никак не может быть меньше сорока пяти. А то и больше!

«И что с того? – хмуро спросила саму себя Фанни. – Не все ли равно, сколько лет он тебе даст? Явно не восемнадцать и даже не тридцать. Пожилая тетка – вот кто ты для него, именно поэтому он так откровенен. Вообще опомнись, смотри и ты на него как на сына, ладно, пусть не сына, просто как на мальчишку. Да, красавец, да-да, секс-эпил какой-то невероятный, просто озноб берет, когда встречаешься с ним взглядом, хорошо, глазищи у него обалденные, ну и что с того?»

Воззвав к собственному рассудку, Фанни решила все же не продолжать разговор о тетушке Изабо и не сказала Роману, что преданно заботится о старушке не только потому, что у той имеется солидный счет в банке, дом в прелестном местечке неподалеку от Тура (впрочем, Изабо терпеть не могла *сельской глуши*, а потому безвылазно сидела в Париже) и шестикомнатная квартира в очень приличном пятом аррондисмане. И не потому, что Фанни – ее единственная наслед-

ница.

Штука в том, что рядом с тетушкой она чувствовала себя девочкой, ладно, пусть девушкой, о которой кто-то думает, которой кто-то просто интересуется, а не тем, кем была в действительности, – дамой далеко не первой молодости, не нажившей за жизнь ни семьи, ни детей, ни особых богатств, и даже последнюю свою радость, *Le Volontaire*, вырвавшей ценой потери двоих любимых мужчин. Одним был Поль-Валери, да, тот самый, старый и толстый, но ведь он не всегда был таким. Некогда он был умопомрачительным красавцем и в ту пору стал первым любовником Фанни, первым ее мужчиной, потом вообще мужчиной ее жизни, лучшим другом, какого могла бы пожелать женщина, сначала подарившим ей половину *Le Volontaire*, потом завещавшим вторую... Да, а другим утраченным навеки был Лоран, который выкупил (ах, он был сказочно богат, этот русский парвеню) для Фанни *Le Volontaire* у наследников, которые оспорили волю Поля-Валери и почти выиграли процесс. Если бы не Лоран, у Фанни не было бы *Le Volontaire*.

Вопрос такой: если бы она заранее знала, что получит *Le Volontaire*, но потеряет Лорана, и ей предложили выбирать между быстро и любовником, что она бы выбрала? Еще неделю назад она, пожалуй, сказала бы, что Лорана – и пусть валится в тартарары *Le Volontaire*. Однако сейчас, сидя рядом с Романом и украдкой вдыхая запах его волос, его молодой кожи, ловя расширенными ноздрями легонькое дуновение

его парфюма и пытаюсь угадать название – что-то знакомое, кажется, «Барбери брют», надо же, и Лоран любил этот запах, этот магазин, этот парфюм, какое совпадение, – словом, сейчас она вряд ли дала бы столь категоричный ответ.

Le Volontaire запросто можно отнести к категории вечных ценностей. А мужчины – это что-то преходящее. Кто-то бросал ее, кого-то бросала она, страдание сменяется счастьем, счастье – страданием... В этой смене и есть смысл жизни – от однообразного счастья небось с ума сойдешь со скуки! Мужчины приходят и уходят, а *Le Volontaire* остается навсегда, как бриллианты в том фильме о Джеймсе Бонде. Хотя, положи руку на сердце: появись сейчас рядом с Фанни кто-то красивый и страстный, с такими же невыносимыми глазами, как у этого русского мальчишки, с такой же горестной складочкой у губ, и кольцами темно-русых кудрей, и тонко вырезанными губами, и бесподобным ароматом... Нет, никакой новомодный парфюм не может соперничать с ароматом молодости, ведь это самый лучший, самый душистый цветок на свете, и как жаль, что Фанни не вдохнуть его аромат, не сорвать его, не стиснуть в ладонях тугой стебель, не зарыться лицом в его горячие, живые лепестки!..

«Прекрати! Немедленно прекрати себя заводить, ты еле дышишь. Что вдруг за приступ педофилии?»

Фанни отвела, нет, отдернула взгляд от Романа и в смутении уставилась в окно. Мимо проплыло изображение золотого идола с непомерно большими глазами – реклама новой

выставки в Лувре, рядом информация об обвальных скидках в каком-то магазине и еще анонс нового мужского парфюма *Azzaro*, но этот зеленоглазый потаскун, который с рекламно-го щита строит глазки всем женщинам, и в подметки не годится Ро...

«Угомонись, кому сказано!»

Секунду, это какая станция? Уже «Сюлли-Морлан»? Как быстро! До «Пирамид», где ей сходить, рукой подать. Она выйдет, а Роман поедет дальше, в дом, где он ютится в комнатке для прислуги, и Фанни не увидит его, быть может, никогда в жизни!..

– Извините, Роман, я вас перебила. Вы говорили, что ходите на рю де Валанс, в русскую библиотеку...

– Да. – Он кивнул рассеянно: за время долгого молчания Фанни успел погрузиться в какие-то свои мысли – о чем или о ком? – Хорошая библиотека. Я предпочитаю читать по-русски. Мой французский...

– У тебя отличный французский, – с жаром воскликнула Фанни. Ладно, она уже столько раз врала в жизни, что еще одна маленькая ложь ей, конечно, простится. А не простится – и наплевать, ведь это ложь во спасение. Чье спасение? Да свое, свое собственное. Свое спасение от надвигающейся разлуки с Романом.

– Вот спасибо, – сверкнул он глазами, – а то меня мать запилила. Она в России преподавала французский, сейчас вообще говорит очень хорошо, почти без акцента. Мне до

нее далеко.

Фанни чуть не ляпнула, что знает кое-какие слова по-русски: «я тебя люблю», «я тебя хочу», «трахни меня», «давай еще». Выучилась от Лорана. Сейчас повернуться к Роману и сказать ему сдавленным от желания голосом:

– Трахни меня!

Сказать по-русски!

Что будет?

Скорее всего, он достанет мобильник и вызовет «Скороую помощь». А если...

А если спросит:

– Что, прямо здесь? В метро?

А если он согласится?

Вагон пустой, только впереди дремлют два каких-то почтенных старикана. Они здесь с Романом практически наедине!

Поезд остановился на станции «Пон-Мари», и в вагон вошла девушка с бандонеоном³.

Потом Фанни размышляла, как сложилась бы жизнь ее и Романа, если бы эта девица с бандонеоном в тот вечер не попала им на пути. Может, вышли бы себе из метро, каждый на своей станции, и двинулись бы своей дорогой?

---

³ Музыкальный инструмент, родственник гармони, баяна и аккордеона. Назван по имени изобретателя Генриха Банда. Основной инструмент в оркестрах, исполняющих аргентинское танго.

Неужели вся причина дальнейших радостей и бед только в музыке, в той музыке, которая вдруг зазвучала в вагоне?

Бедняжка Фанни, которой так и не суждено было узнать правду! Правду знает Роман, но это знание он унесет с собой в могилу.

А впрочем, у него остается еще время для насыщенной радостями жизни, поэтому пока не стоит о печальном.

Нижний Новгород, за некоторое время до описываемых событий

Оставим в стороне пути, которыми пойдут добросовестные и недобросовестные следователи, пытаясь докопаться до истины в деле о внезапной смерти гражданина Константинова В. С. Все равно пути будут не теми и не найти следователям этой самой истины, потому что никто им не поможет ее найти. Их будут водить за нос все, кто, казалось бы, самым непосредственным образом заинтересован в результатах расследования.

Итак, вот что навеки осталось тайной для следствия.

Валерий Сергеевич Константинов был человеком богатым. Очень богатым! Но о его богатстве не знал никто, кроме самых близких ему людей. Причем богатством своим Валерий Сергеевич завладел тем способом, о котором люди мечтают испокон веков: он нашел клад.

Нашел он его десять лет тому назад совершенно случайно.

Константинов был любителем, как уже говорилось, старины. Всю жизнь он, простой совслужащий, инженер, эмэнэс, жил в убогой «хрущевке», заставленной грубо сколоченными обрезками деревоплиты, которым был придан вид шкафов, сервантов и столов. Ел из дешевой фаянсовой посуды,

читал книжки, изданные на газетной бумаге, да и те приходилось разными окольными путями доставать.

Однако страсть к антиквариату и старинным фолиантам терзала сердце Валерия Сергеевича, и удовлетворял он ее вот каким способом: в свободное время ездил по городу и выискивал дома, предназначенные на слом. Чуть только такой дом освобождали жильцы, Константинов был уже тут как тут. Надевал перчатки, доставал из сумки небольшую монтировку и обходил пустые комнаты, в которых уже пахло сыростью, землей и даже почему-то мертвечиной. Кругом валялись груды брошенного мусора, в котором Константинову удавалось найти немало интересного, от книг до старинных флакончиков для духов. Однажды он отыскал роскошную вазу, правда, в виде осколков, но ее удалось склеить. В другой раз ему попалась печная заслонка невиданной красоты, судя по всему, отлитая в XVII веке, а то и раньше. Полуразбитые статуэтки, иконы в жутком, непотребном состоянии, картины неизвестных художников, где едва-едва можно было разобрать лица и предметы, тоже попадались. Еще множество бытовых мелочей: очки с выбитыми стеклами, туфли или сандалии, как правило, непарные, дамские сумочки или то, что от них осталось, какие-то рваные платья, отделанные стеклярусом или истлевшим кружевом.

Однажды в каком-то подвале он наткнулся на заплесневелый, покрытый темными пятнами саквояж. Саквояж был набит полусгнившими газетами начала XX столетия. Точнее

сказать было трудно, потому что даже те из них, что не сгнили, превратились в труху, и Константинов осторожно, по одной вынимал их и рассматривал с благоговением: это тоже была столь обожаемая им старина. Представьте себе: именно среди этих газет он и наткнулся на пыльный мешочек из истончившейся, потертой кожи, в котором перекатывались какие-то камушки.

Как только Константинов взял его в руки и ощутил пальцами это перекатывание, он почему-то сразу понял, что там находится. Больше ничего в этом доме он трогать не стал, даже не глянул в сторону бережно отобранного старья, сверточек спрятал в карман, перчатки снял и отбросил, монтировку отшвырнул, из развалин вышел и немедленно уехал ближайшей электричкой на дачу в Рекшино. Именно там, в халупе на четырех сотках он хранил все свои сокровища, поскольку жена наотрез отказалась видеть *это барахло* в своей до блеска вымытой хрущобе. Да, был риск, что местная шпана вскроет дачу, однако ценность все эти сокровища имели только в глазах человека, помешанного на антиквариате, а воришки – люди практичные, они ищут то, что можно продать или хотя бы выменять на водку.

Итак, Константинов приехал на свой тайный склад, завесил окна, зажег свечку (электричество в Рекшине теоретически было, но его постоянно отключали, отключили и на сей раз, пожалуй, даже кстати) и развязал узелок, чтобы как следует рассмотреть находку.

Невзрачные камушки, похожи на грязные стекляшки.

Константинов помыл их в теплой воде с хозяйственным мылом. Пересчитал. Их оказалось почти три сотни – крупных, отборных бриллиантов размером одни с горошину, другие с вишневую косточку (в каратах Константинов еще не разобрался), великолепной огранки, некоторые с загадочными темными пятнышками внутри. 285 бриллиантов.

Кому принадлежали эти бриллианты, кто спрятал их в саквояже среди газет?

Об этом можно было только гадать. Константинов вспомнил многочисленные истории о том, как после революции богатые люди пытались утаить сокровища от безумной толпы грабителей, в которую в одночасье превратился народ. Куда только не прятали бриллианты, украшения, золотые монеты! Шили пояса, выдалбливали трости, делали для женщин специальные шиньоны-тайники, прятали камни под подошвами башмаков... Владелец или владелица этих бриллиантов, видимо, в спешке сунули их в саквояж под газеты. Темные ржавые пятна на коже вполне могли быть пятнами крови...

Об этом Константинов предпочитал не думать, какой смысл? Важно только то, что он стал обладателем целого состояния, богатства поистине несметного...

Такие находки вряд ли могут пройти для человеческой психики бесследно. Разумеется, теперь Константинов страшно боялся, что люди каким-то образом проведут о

сокровищах и ограбят его, а то и убьют. Об этом не должны были знать даже самые близкие, жена и сын, тем более что Константинов своей семейной жизнью никогда доволен не был. Жену он не любил и втихомолку ей изменял, если выпадал удобный случай, в командировке, например, или на какой-нибудь турбазе, не говоря уже о том, что тайно вожде-лел ее подругу, хоть и понимал, что шансов у него ниже нуля. Воспитание сына его ничуть не интересовало, он с удовольствием сплавил бы его каким-нибудь бабушкам или дедушкам, но таковых в семье Константиновых не имелось. Словом, посвящать домашних и делиться сокровищами он не собирался.

Валерий Константинов непрестанно думал, как сохранить тайну и спрятать бриллианты. Ни одно место в мире не казалось ему достаточно надежным, будь это даже сейф како-го-нибудь цюрихского депозитария. Идеально было бы, конечно, носить камни с собой. Придумать тайник, который не вызывал бы подозрений...

Такой тайник он придумал. Изготовил его сам, и теперь всегда носил его в кармане пиджака, конечно, некрасиво от-топыренном. Когда Константинову говорили, что он портит собственный костюм, он только пожимал плечами. Посколь-ку ему всегда было наплевать на то, как он выглядит и во что одевается, это никого не удивляло.

Очень немногие люди, получив в свое обладание большие деньги, уберегутся от искушения немедленно начать их тра-

тить. В этом смысле Константинов ничем от большинства не отличался. Сами по себе бриллианты его не интересовали – но какие возможности они открывали! Теперь он мог перестать шариться в развалинах, мог ездить в Москву за настоящей стариной (в родном городе Константинов решил не светиться, тем паче, что два-три антикварных магазина Нижнего Новгорода были подавляюще убогими). Но для этого бриллианты нужно было превратить в деньги.

Как? Сдать камушек в скупку? Хорошо, один-два сдашь, а больше? Заметят, проследят. Опасно!

Надежных людей, которые занимались тайной скупкой драгоценностей, Константинов не знал, обращаться к незнакомым ювелирам или антикварам не осмеливался. Невозможность потратить деньги, которые просто-таки жгли ему карман, запрет осуществить желания – а желаний у полунищего эмэнэса, затурканного советским бытом, а потом соблазнами рынка, накопилось с вагон – стали навязчивой идеей Константинова и медленно, но верно свели его с ума.

Санкт-Петербург, 1780-е годы

Что и говорить, путь к персоне императрицы тернист. Конечно, порою нечаянная удача перепадает, как в распространенном анекдоте, какому-нибудь часовому, который приступает к делу рядовым, а уходит из опочивальни капралом. Но, как правило, дело обстояло иначе и далеко не так просто.

Светлейший князь Григорий Потемкин после двух лет, проведенных рядом с этой незаурядной женщиной и великой любовницей, понял, что может быть ей только другом, советчиком и помощником во всех ее начинаниях, а если останется любовником, то скоро умрет. Чтобы быть той, кем она была, Великой Екатериной, императрица нуждалась не только в умных мыслях, но и в постоянной подпитке нежностью, пылкостью, страстью – должна была ощущать себя любимой и желанной. Чтобы быть великой женщиной, ей требовалось оставаться именно женщиной. Эта сущность ее натуры была понятна Потемкину и прежде всего ради этого – и еще, конечно, чтобы постоянно держать руку на пульсе – он и начал представлять ей молодых людей, преданных ему безусловно.

Однако Александра Ланского первым заметил отнюдь не Потемкин, а обер-полицмейстер Петербурга граф Петр Иванович Толстой.

Париж, наши дни

Бродячий музыкант с гитарой, губной гармоникой или бандонеоном – самое обычное дело в парижском метро. Порой в вагоны вваливаются трубадуры с целым электронным оркестром, упрятым в сумку на колесиках. Потом одни обходят вагон с протянутой кепкой, другие смиренно топчутся у двери... Однако у Фанни создалось впечатление, что эта тоненькая кареглазая девица лет двадцати с мелко вьющимися каштановыми кудрями вовсе не принадлежала к племени бродячих музыкантов. Она была, скорее, похожа на девочку из хорошей семьи, на студентку, которая возвращается после занятий в консерватории.

Девочка села, пристроила на коленях футляр, рассеянно взглянула на уплывающую платформу с желтыми пластмассовыми скамьями, перевела взгляд на сидящих напротив Фанни и Романа, и глаза ее мгновенно перестали быть рассеянными, а сделались сначала изумленными, а потом насто-роженно-восторженными.

О нет, вовсе не Фанни вызвала ее восторг, на нее девочка вряд ли даже взглянула. Это Роман заставил ее щеки порозоветь, губы приоткрыться, а глаза заблестеть. Это Роман заставил ее нервно сплести тонкие пальчики. Да, не одна Фанни оценила с первого взгляда его редкостную красоту. А разве могло быть иначе? И у этой кудряшки с тонким личиком

куда больше шансов, чем у Фанни.

Шансов на что? Ой, да брось ты все это, сойди на ближайшей станции – это ведь будет уже Пон-Неф, оттуда можно и пешком дойти, и разве не символично будет, что они с Романом встретились на Пон-Неф и расстанутся на станции метро, которая так же называется?..

И больше она его никогда не увидит.

Фанни едва ли отдавала себе отчет в том, что выдернула руку из-под локтя Романа и стиснула пальцы точно таким же нервным движением, как эта девочка. Только у одной была надежда, а у другой – безнадежность.

Ей не было видно, смотрит ли Роман на девушку, но можно было не сомневаться, что да. Девчонка так играла своими хорошенькими, чуточку приподнятыми к вискам глазками (совершенно такие же были глаза у Фанни в те невозвратные годы, да, их очертания немного изменились из-за морщинок, правда, она очень искусно придает глазам прежнюю манящую форму с помощью черного косметического карандаша, но дураку же понятно, что все это не то), как можно играть, только встречая ответную игру взгляда. Фанни представила, как смотрит на девушку Роман: чуть исподлобья, медленно приподнимая ресницы, и взгляд не ослепляет, а обволакивает, словно завораживающий черный туман...

Поезд остановился. Пон-Неф. Вставай и выходи, что ты здесь расселась, третья лишняя между этими двумя, очень может быть, созданными друг для друга...

Фанни не двинулась с места. Сидела, прижавшись бедром к бедру Романа, жадно ловила его тепло, как морозными вечерами ловила тепло своими вечно зябнущими ладонями, прижимая их к калориферу. Только там она грела руки, а здесь душу. Сердце!

А между тем девочке, похоже, стало мало этой возбуждающей игры взглядов, она решила произвести на Романа еще более сильное впечатление. Не отрывая от него глаз, проворно открыла футляр, достала свой черно-белый бандонеон и заиграла, не глядя на кнопки и клавиши, не отводя глаз от Романа.

Это было вечное «Бесаме мучо», аранжированное в ритме танго. Великолепная музыка! Отличное исполнение! Бесаме мучо – целуй меня крепче!

Пытка еще та.

Что сделает Роман, когда отзвучит мелодия? Похлопает в ладоши и равнодушно отведет взгляд? Откликнется на призыв? Нет уж, пусть эта бесстыжая маленькая сучка играет, раз начала! Не глядя, наощупь Фанни открыла сумку, нашарила в боковом карманчике какую-то купюру, выхватила и швырнула музыкантше. Вспыхнуло в душе запоздалое сожаление: вдруг попалась крупная, там была одна в двадцать и одна в пятьдесят евро? Ах, не зря француженок считают самыми расчетливыми женщинами в мире!..

Уже когда купюра летела, Фанни краем глаза отметила красно-оранжевый колер: пятьдесят евро. А, гори оно все ог-

нем, в конце концов, деньги не самое важное в мире, и совершенно напрасно называют француженок самыми расчетливыми женщинами в мире!..

Нет, все-таки не напрасно.

Красно-оранжевая птичка была замечена еще в полете. Девушка наконец-то отвела взгляд от Романа и уставилась на купюру. А поскольку та спланировала на самый верх бандонеона, музыкантша поневоле скосилась на нее и какое-то время так и сидела, собрав глазки к носику и не переставая бегать пальцами по клавишам.

Мгновение Роман и Фанни созерцали ее напряженную физиономию, потом Роман вскочил и подал Фанни руку:

– Потанцуем, мадам?

Она поднялась, положила руку на его плечо, и он повел ее в ритме «Бесаме мучо», слитного с ритмом движения поезда.

Музыка звучала, как нанятая, конечно, ведь музыкантша и была нанята на пятьдесят мелодий. Ладно, хотя бы на двадцать пять, если оценит свои услуги в два евро за мелодию. Двадцать пять – это тоже хорошо.

Пресвятая Дева, как давно, как отчаянно давно Фанни не танцевала! Лет двадцать точно. Одним из ее любовников был жиголо из ресторана «Галери Лафайет», он научил Фанни танго, медленному фокстроту и румбе, изумляясь, как быстро она все схватывает, и уверяя, что если бы она вовремя начала учиться танцам, вполне могла бы стать его парт-

нершей в ресторане! Потом они расстались (кто кого бросил, Фанни теперь уже хорошенько не помнила), и с тех пор практики у нее не было никакой, однако уж если Фанни что схватила, то схватила! Ноги все моментально вспомнили – и пошли, пошли, сплетаясь с ногами Романа, который, к изумлению Фанни, оказался отличным танцором, не хуже, чем тот полузабытый жиголо, и повел ее так уверенно, словно под ногами у них был не пол вагона, а паркет танцзала.

Какое счастье танцевать с ним, двигаться, прильнув грудью к его груди! В его объятиях Фанни было девятнадцать, не больше. Просто она чувствовала: ее возраст не имеет для него никакого значения. Ну не смотрят так на почтенных дам, как Роман смотрел на нее, когда их взгляды вдруг обращались друг к другу. Не напрягается так мужское тело, прижимаясь к телу старухи. И пусть знает свое место эта девочка, эта жалкая аккомпания...

Поезд дернулся, нога Романа зацепилась за ногу Фанни, они качнулись и вместе повалились на сиденье, причем Фанни оказалась верхом на Романе.

Она испуганно вскрикнула и попыталась слезть, но он не пустил. Схватил ее за бедра и прижал к себе так крепко, что она вдруг ощутила, что сидит на каком-то твердом вздутии. Она бы замерла, но движения поезда поневоле заставляли двигаться и ее. Роман вдруг резко выдохнул сквозь стиснутые зубы и задрал на Фанни юбку. Ноги между чулками и трусиками (Фанни никогда не носила колготки, терпеть их

не могла) словно загорелись от его прикосновений. Одной рукой он обхватил ее за шею и заставил нагнуться так низко, что ее губы уткнулись в его губы. Чужой язык вонзился ей в рот, отпрянул, снова вошел между губ, грубо ударяясь о ее язык. Губы впились в ее губы. Это был не поцелуй, а что-то иное – утоление жажды, половой акт, совершаемый только ртами. Фанни застонала от изумления, страха, возбуждения, и в это время пальцы Романа скользнули ей в трусики, запутались в волосках...

Бесаме, бесаме мучо!

Фанни вдруг осознала, что музыка кончилась и вместо нее слышны какие-то голоса.

Приподнялась в беспамятстве, огляделась. Роман лежал с полузакрытыми глазами, рот искажен страданием, руки все шарят и шарят по ее телу. В вагон тем временем успела ввалиться толпа японских туристов – ввалиться и замереть. Да, зрелище перед ними предстало не из самых скромных! Неудивительно, что не слышно музыки: нервы у аккомпаниаторши не выдержали, и она выскочила из вагона. Сколько она успела сыграть мелодий? На сколько евро?

Ладно, сдачи не надо, как любил говорить Лоран.

Это имя пролетело, не зацепив, не поранив.

Однако какая это станция? Боже мой, «Пирамиды»!

Фанни соскочила с Романа, одернула юбку и, глядя поверх голов маленьких японцев с самым невозмутимым выражением (а что, девичью стыдливость прикажете изображать, что

ли?), принялась проталкиваться к двери, куда вливались все новые жители Страны восходящего солнца. То-то историй о развратных гайдзинах будет поведено там, у подножия Фудзиямы, под сенью белоснежных вишен, лепестки которых, как утверждал Басе (а может, и не Басе), похожи на томные веки красавиц!..

Фанни выскочила на платформу в последний миг перед тем, как закрылись двери, Роман выскользнул следом, схватил ее за руку.

– Куда?

Она правильно поняла вопрос: куда они теперь пойдут, чтобы завершить начатое?

Как он смотрел, какие у него были глаза! И все это предназначалось ей!

Фанни невероятным усилием подавила желание припасть к его дрожащим от желания губам: тогда только и оставалось бы, что улечься прямо на платформе, но они вряд ли успеют получить удовольствие – их просто-напросто сдадут в полицию за оскорбление общественной нравственности.

– Ко мне, – проговорила быстро. – Ко мне домой, это не очень далеко. Скорее!

И побежала по лесенке к выходу из метро.

Какой теплый вечер, какая тишина! Веет весной. Но сейчас не до красот. Скорее пересечь авеню Опера, нырнуть в узенькую улочку Терез, потом по Сен-Анн до Рети Шамп, улицы Маленьких полей, и вот она, рю де Ришелье. Спра-

ва огромное здание дворца Армана дю Плесси де Ришелье – того самого дворца, где некогда снимали любимый фильм Фанни по «Трем мушкетерам».

Роман налетел сзади, схватил ее в объятия, притиснул к своим бедрам. Господи, да он уже готов... так готов!

– Я больше не могу, – выдохнул он в шею Фанни, слепо шаря по ней губами. Ее огнем жгли эти лихорадочные поцелуи. – Не могу! Давай ляжем хоть под кустами!

Напротив входа во дворец кардинала маленький скверик с фонтаном: пять дородных полуодетых дам изображают пять главных рек Франции. Сейчас фонтан выключен, но скамейки... скамейки никто на зиму не убирал! Конечно, сквер закрыт на ночь, но ограда невысока, ее можно легко перешагнуть.

Фанни перешагнула, Роман перепрыгнул – и вот оно, вожденное ложе.

Даже несколько на выбор, разных цветов.

Сейчас, впрочем, ничто не имело значения, кроме одного: лечь скорее, скорее...

Они не пошли далеко – повалились на ближайшую скамью, едва скрытую кустом остролиста. Глушили крики, кусая одежду друг на друге.

Потревоженный их возней остролист шелестел, шуршал, ронял на спину Романа красные твердые ягоды.

– Пусти меня к себе, скорей! Я сразу понял, кто ты! – простонал Роман. – Ты не носишь колготки, а эти твои трусики,

чулочки... Давай, ну!

Удовлетворив жажду, они поднялись с немилосердно жесткой скамьи, дотащились, цепляясь друг за друга, до дома Фанни, и наконец их лихорадочная внезапная страсть обрела крышу и четыре стены – надежную защиту от посторонних глаз и ночного февральского ветра.

Внезапная, значит, страсть? Однако...

Нижний Новгород, за некоторое время до описываемых событий

Уже говорилось, что жена Валерия Константинова Галина работала медсестрой в психиатрической лечебнице на улице Ульянова. Шизиков она навидалась предостаточно, а потому сразу заподозрила что-то неладное в поведении мужа. Он сделался недоверчивым, молчаливым, угрюмым, озлобленным, он запрещал посторонним (хороши посторонние – жена и сын) дотрагиваться до своих вещей. Однажды избил сына за то, что тот нечаянно уронил со стула его пиджак.

Вообще Константинов теперь свою одежду в шкаф не убирал, а вешал исключительно на стул, который ставил рядом с кроватью. Даже когда они занимались с женой сексом, он... Хорошо, сексом это едва ли можно назвать. Так себе, быстрый перепихончик.

Галина, маленькая красивая брюнетка с обворожительными глазами, которые от нее унаследовал сын, никогда не была довольна своим браком. Поженились они с Валерием не то чтобы по любви, а по необходимости завести семью. И жили бы худо-бедно, как все, если б не нашел Константинов эти злополучные бриллианты и не помешался слегка на этой почве.

Как говорят профессионалы, он стал неадекватен. Мани-

акально-депрессивный психоз – такой диагноз поставила Галина, которая в своей психушке на диагнозах здорово поднаторела.

У нее была задушевная подруга Эмма. Они дружили с детства – когда-то жили в одном доме, потом этот дом снесли, семьи получили квартиры в разных районах, но Галина и Эмма продолжали видеться. Эмма с мужем давно разошлась, осталась свободной, бездетной и дала себе клятву больше в такую глупость, как супружеские отношения, не ввязываться. В знак полного разрыва с прошлым Эмма сбросила с плеч фамилию нелюбимого мужа Ломакина и снова стала Шестаковой.

Именно Эмме Галина пожаловалась, что с мужем что-то происходит.

Эмма выслушала Галину, потом пару раз побывала у Константиновых и сказала решительно:

– Он что-то от тебя скрывает. Причем до смерти боится, что ты об этом узнаешь.

– Может, он себе бабу постоянную завел? – всхлипнула Галина. – Я и раньше подозревала, что он норовит нашкодить, а тут, может, влюбился?

– Если бы влюбился, то у этой бабы дневал и ночевал бы, – резонно возразила Эмма. – А ты сама говорила, что он с работы сразу домой, и по вечерам, по выходным дома сидит. Даже на дачу не ездит и по помойкам своим больше не шляется.

«Шляться по помойкам» – так Галина называла страсть любимого супруга к поискам всяческого старья.

– Логично, – согласилась Галина. – Но что он скрывает? Может, подцепил где-то что-то?.. Он со мной уже лет пять не спит, ты представляешь?

– И как же ты обходишься? – почти с ужасом спросила Эмма. – Соседа в грех вводишь? Или какого-нибудь хорошенького психа? Или тихо сама с собой?..

Галина покраснела и чистоплотно поджала губы:

– Да я и без этого обхожусь. Это для молодежи хорошо, а мне уже сорок шесть, пора о душе подумать.

Эмма посмотрела на нее с жалостью. Она была младше подруги всего на два года, однако считала, что о душе думать рано, наоборот, самое время подумать о теле, потому что жизнь у нее только началась. Эмма принадлежала к тем натурам, которые переживают так называемое позднее взросление. Не то чтобы она была безнадежно инфантильной, вовсе нет. Просто в те годы, которые другие тратят на танцы-пляски-пирушки-развлечения, Эмма была слишком серьезной. Она училась, она работала, она делала карьеру.

И сделала-таки: стала преподавательницей престижнейшего факультета университета – иностранных языков. Из школьной училки, каких множество... Она обожала французский язык! Кстати, местечко оказалось хлебным: Эмма была завалена репетиторством – ну да, она же работает в приемной комиссии. Богатые мамашки студентов не обходи-

ли преподавателей подарочками – и по случаю праздников, и без всякого повода. Эмма приделась, заново обставила квартиру. Она стриглась и делала маникюр теперь не в самой дешевой парикмахерской. Она позволяла себе регулярно ходить в салоны красоты. Словом, она стала не без удовольствия посматривать на себя в зеркало и обнаружила, что там и в самом деле есть на что посмотреть.

Стали понятны и приятны игривые мужские взгляды, завелись два-три кавалера, с которыми она с удовольствием отправлялась в постель при каждом удобном случае, быстро наверстывая упущенное. Оказывается, мужчины очень разные, несмотря на то что делают с женщиной вроде бы одно и то же. К сожалению, а может быть, и к счастью, никто из этих кавалеров не понравился Эмме настолько, чтобы влюбиться. Они, строго говоря, ничего особенного собой не представляли: доценты, кандидаты наук... Мелкота! Кроме того, они были людьми семейными, обремененными женами и детьми, а связь с человеком семейным почти непременно чревата скандалом.

Главное же: ее любовники все оказались гораздо старше ее, а она-то была окружена множеством молодых красивых лиц. Бедняжка принадлежала к тем женщинам, которые способны любить только молодых мужчин. Эмма смотрела на свое отражение в зеркале словно сквозь дымку, скрывающую от нее новые морщинки и прочие приметы возраста. Ей казалось, что она точно так же молода, как все эти красавцы, ко-

торых она видит на лекциях и которые поглядывают на преподавательницу французского с искренним мужским интересом. К счастью, ей достался холодный ум, и этим своим умом она понимала: на семьдесят процентов их внимание основано на голом расчете – расположить училку в свою пользу. И потом, как бы ей ни нравился тот или иной студентик, в какое бы томление ни повергали плоть мысли о нем, любая связь или даже намек на связь погубит ее жизнь и карьеру. Этого Эмма допустить не могла и не хотела. Борьба с собой давалась трудно: в отличие от подруги она была женщиной отнюдь не холодной, а сексуально озабоченной. Что ж, она научилась находить разрядку в объятиях зрелых кавалеров, а в самые сладкие мгновения представляла кого-нибудь из тех молодых оболтусов, которым ставит зачет или незачет, а то и кое-кого другого. Слава богу, у нее было достаточно богатое воображение.

Впрочем, любовная биография Эммы Шестаковой пока не имеет к делу никого отношения. Сейчас важно одно: Эмма действительно была человеком нестандартных решений и поступков.

– Послушай, Галя, – сказала она, поразмыслив, – ты в самом деле хочешь знать, что происходит с твоим Валеркой?

– Да, – удивленно приподняла брови Галина, – иначе с какой бы я радости просила у тебя совет?

– Тогда вот тебе мой совет. Раздобудь в своей психушке какой-нибудь препарат, который подавлял бы сознание, а на

речевые рецепторы воздействовал, наоборот, возбуждающе. И потихоньку подсыпь, подлей или как-нибудь впрысни его Валерику.

– Что-что? – растерянно спросила Галина.

– Ты не слышала или ушам своим не веришь? – усмехнулась Эмма.

– Ушам не верю, – пробормотала подруга. – Как тебе такое могло в голову взбрести?

Эмма пожала плечами, встала с дивана, на котором сидела, и направилась к выходу.

– Нет, погоди! – схватила ее за руку Галина. – Не уходи и не обижайся! Я просто... просто не ожидала такого от тебя.

– И очень хорошо, – хладнокровно ответила Эмма. – Если мы будем делать только то, чего от нас ждут, все с тоски передохнут. Между прочим, знаешь, как я мечтала о такой жизни, какую теперь веду, с уверенностью в завтрашнем дне, упорядоченной, надежной? Но если бы мне сейчас подвернулась какая-нибудь авантюра, я ввязалась бы, не задумываясь. Разумеется, если бы знала, что в финале мне светит что-нибудь существенное – деньги или положение...

– Или любовь? – лукаво предположила Галина, наслышанная кое о каких тайнах подруги.

– Любовь? – Эмма приподняла брови. – Любовь – средство, не цель. Это отличное, лучшее на свете средство для тренировки сердечной мышцы. Поэтому я готова играть в любовные игры с кем угодно и в какой угодно позиции, но

приз должен быть более весомым, чем просто оргазм или обручальное кольцо. Понимаешь?

Слово «оргазм» Галина знала только понаслышке, и вообще такие разговоры ее страшно смущали, поэтому она отмахнулась от Эммы.

– Ладно, дело твое. Но ты смешная: прямо так я возьму тебе шприц с каким-нибудь нейромедиатором, положу в карман и выйду из отделения, чтобы дома мужу язык развязать? У нас знаешь какой строгий контроль?

– Значит, эта штука называется нейромедиатором? Будем знать. Что касается контроля, вынеси просто ампулу, а шприц у тебя дома и так есть. Что ты вытаращилась, снова ушам не веришь? Дурочка, я тебе дельный совет даю! Ты, конечно, уже забыла, за каким партизаном я была замужем. Из Ломакина можно было вытянуть, куда он зарплату дел, только применив к нему нейромедиатор в виде стаканá. Или даже двух стаканóв.

– Так то Ломакин, – все еще нерешительно протянула Галина. – И потом, ты же узнавала у него насчет денег. А в моем случае о деньгах и речи нет.

– Все мужики разные только в постели, а в жизни похожи до тошноты, это ты мне как опытной женщине поверь, – убеждала Эмма. – И откуда ты знаешь, что речь не идет о деньгах? Может, твой Валерка именно что нашел клад и боится в этом признаться?

С ней иной раз так бывало: ляпнет наугад и попадет в са-

мое яблочко.

Санкт-Петербург, 1780-е годы

Светлейший Григорий Алексеевич в ту пору пребывал в отъезде. А Екатерина переживала затянувшееся сердечное одиночество после того, как дала отставку «царю Эпирскому» – Ивану Римскому-Корсакову. Отставлен он был за измену императрице.

Да, случается и такое, и императрицы в таких случаях страдают совершенно так же, как обыкновенные женщины.

Вот тут граф Толстой и решил подсуетиться. Сопровождая Екатерину на прогулке по Петергофу, он вдруг сделал большие глаза при виде стоявшего в карауле красивого кавалергарда.

– Вы только взгляните, ваше императорское величество. Каков профиль! Каково сложение! Ах, кабы нам сюда Праксителя! Вот с кого Геркулеса бы ваять!

Екатерина повернула голову, и нежная улыбка вспорхнула на ее уста. В самом деле, даст же бог человеку такую красоту.

– Кто такой? – спросила Екатерина.

Кавалергард молчал, глядя на нее остолбенело и восторженно.

Граф Толстой, который загодя учил своего протеже отвечать быстро, громко и четко, солому не жевать (императрица косноязычных не переносила), сперва облился ледяным потом, но тут же заметил, что императрица растрогана заме-

шательством юноши. Какой женщине не в радость видеть, как шалеют от ее прелести.

– Ланской, ваше величество, – наконец смог пробормотать он.

– А имя твое как, флигель-адъютант Ланской? – тихо усмехнулась императрица.

«Мать честная, – подавился восторженным восклицанием обер-полицмейстер. – Вот так, с одного взгляда – и уже флигель-адъютант? Далеко пойдет мальчонка!»

– Саша, – растерянно пробормотал Ланской.

– Саша, – мечтательно повторила Екатерина, глядя в его испуганные светло-карие глаза. – Сашенька...

Париж, наши дни

Хорошо тому, кто ничем не владеет: он свободен. Но тяжело владеющему. Внезапно свалятся на тебя деньги – будешь бояться, что они исчезнут так же неожиданно, как появились. Купишь ценную вещь – спать не сможешь: вдруг украдут? Заведешь молодого любовника – тоже, понятно, не до сна, хотя и по другой причине. И все равно каждое утро будешь просыпаться с одной мыслью: а не последней ли вашей ночью была эта ночь? Что, если сегодня он пойдет куда-нибудь прогуляться и больше не вернется? Как ты будешь жить тогда?

Нет, не так: сможешь ты жить тогда?

Теперь Фанни боялась только одного: потерять Романа. Это было страшно само по себе, но еще это означало снова утратить молодость и красоту. Фанни и сама понимала, что похорошела несказанно: она ловила восхищение во взорах встречных мужчин и отвращение в глазах встречных женщин, а эти две составляющие (особенно последняя) – неопровержимое доказательство, что ты выглядишь хорошо, очень хорошо. *Le Volontaire* гудел от комплиментов, только бездельник Арман что-то загрузил и все смотрел на Фанни не то с тоской, не то с насмешкой, кто его разберет.

Да и не до Армана ей было. Каждое мгновение этих счастливых, счастливейших дней (нет, не ночей, потому что но-

чью Роман был близко, ближе некуда) ее не покидал страх. Даже когда субботним утром Фанни, по обыкновению, надевала бриджи, мягкие полусапожки на низком каблуке, садилась на велосипед с корзинкой, укрепленной впереди, и ехала на рынок на авеню Трюдан (конечно, вполне можно было пройти квартал пешком до площади Бурз, где около здания Биржи тоже имелся небольшой рынок, но, во-первых, Фанни отлично знала, как потрясающе смотрится на велосипеде, во-вторых, езда на велосипеде – отличная тренировка, субботним утром она даже без обязательной пробежки обходилась), словом, даже по пути на рынок она не переставала думать, застанет ли Романа, когда вернется.

Заставала – как правило, все еще в постели. Он любил долго спать, он не любил театры и музеи, куда пыталась вытащить его Фанни. Вообще говоря, она тоже была не бог весть какой интеллектуалкой, но имелась у нее причина рваться в эти места, особенно в музеи, особенно в Лувр и д’Орсе. Еще он любил, не вставая с кровати, смотреть детективы по телевизору, лениво перебирая каналы. Иногда мусолил какую-нибудь книжку из русской библиотеки, а иногда просто лежал, устремив взгляд в никуда, и только по сосредоточенно сдвинутым бровям и стиснутым губам можно было понять, что его что-то тревожит, даже мучает.

В такие минуты Фанни особенно пугалась, что когда-нибудь его унесет этот поток размышлений. Унесет безвозвратно в ту прошлую жизнь, которую он вел до встречи с ней.

Спокойнее всего ей было, когда после бурной любви Роман засыпал в ее объятиях, свернувшись калачиком и сплетя ноги с ее ногами.

– Спой мне, – бормотал он, сонно шаря губами по ее груди, и она покорно запевала колыбельную своего детства. Простенькая мелодия давалась с трудом – так сжималось горло от любви, непрошенной, разрывающей сердце любви к этому приبلудному мальчишке.

– Doucement, doucement,
Doucement s'en va le jour.
Doucement, doucement
A pas de velours.

Тишина, тишина,
Медленно уходит день.
Медленно, в тишине,
Как по бархату.

Вот-вот, в Романае было так много мальчишеского, полудетского. Как странно: это проявлялось именно в те мгновения, когда верх брала его мужская, почти звериная суть. Неутомимый, распутный самец, он доводил Фанни до криков не только своими бурными движениями, но и задыхающимся шепотом: «Пусти меня к себе!» В этом шепоте была робость неопытного мальчишки, который впервые берет

женщину и еще не знает, испытает сейчас боль или наслаждение, будет любимым или его предадут.

Наверное, ей всю жизнь хотелось капризного ребенка, вот она и завела его себе, вернее, он сам завелся. Но Фанни предпочитала не думать ни о чем, что разделяло ее с Романом. Да и не имели эти нежность и вожделение, если уж начистоту, отношения к материнским чувствам. Оставался возраст, да, возраст стоял между ними по-прежнему. Ночью, в постели Роман не замечал ее морщинок, и просто их стало меньше (любить молодого – лучшее средство помолодеть самой), зато днем Фанни то и дело прикидывала, под выгодным ли углом падает на ее лицо свет или что-нибудь ненужное выделяет, подчеркивает?.. Вот в *Le Volontaire* свет падал на редкость удачно, поэтому она любила, когда Роман туда являлся. Правда, иногда он вдруг уходил, говорил, что должен навестить мать. А куда шел на самом деле?

Однажды она не выдержала. Бросила бармену Сикстину, что через полчаса вернется, схватила пальто и выскочила на улицу. На бегу глянула в окно и увидела Армана: он покинул свое насиженное место и провожал Фанни мрачно-насмешливым взглядом. Белая косматая Шьен стояла рядом на задних лапах, прижав передние к стеклу, и тоже тарасилась на Фанни.

«Следят они за мной, что ли?» – почти с ненавистью подумала она, но тут же забыла и об Армане, и о Шьен. Вот и пересечение улиц Друо и Прованс, вот тот самый дом, о кото-

ром говорил Роман, – напротив агентства «Кураж», забранного зеленой ремонтной сеткой. Длинное здание: несколько витрин антикварных лавок, несколько подъездов. Ага, здание одно, а адреса-то разные: рю де Прованс, 1, 3, 5, 7, 9, 9а, 11 – таковы причуды парижского градостроения. А поверху, под самым гребнем крыши вдоль всего дома небольшие окошки – те самые комнатки для прислуги.

Так за которым из них Роман?

Фанни прошла вдоль фасада раз и другой, поздоровалась с двумя знакомыми антикварами – оба иногда забегают в ее бистро. Надо же, как будто все встречные смотрят только на нее: рыльце-то в пушку!

Она снова прошла квартал до конца и остановилась на углу улиц Фобур-Монмартр и Прованс, напротив китайской харчевни. Сделала вид, будто рассматривает витрину, а сама исподволь бросала взгляды на дом-квартал.

Семь дверей. В которую войти?

Стоп. Зачем голову ломать? Роман же ясно сказал: в доме буланжерия и три антикварных магазина. Значит, Фанни нужен номер три.

Она перебежала дорогу. Вот синяя дверь, украшенная черной чугунной чеканкой, вот кодовый замок. Так, и что дальше? Код она не знает.

Минута отчаяния, и вдруг замок шелкнул, дверь отворилась, и Фанни вжалась в стену, пропуская высокую даму лет восьмидесяти в потертом каракулевом манто. Надмен-

ный аристократический профиль, надменно поджатые губы. Не эту ли обедневшую графиню упоминал Роман? Если так, Фанни попала туда, куда нужно!

Она ввинтилась между медлительной гранд-дамой и дверью, проскочила в крытый дворик, уставленный цветочными кадками.

– Вы к кому, милочка? – Вопрос повис в воздухе, Фанни уже перебежала дворик и захлопнула за собой дверь respectable подъезда.

Лифт доходил до шестого этажа, комнаты для прислуги размещались выше. Но вот Фанни наконец в длинном коридоре с рядами дверей по обеим сторонам. Та же чистота, что и во всем доме, но respectableностью не пахнет – ни цветов, ни ковров, ни наощенного паркета.

Захотелось уйти. Глупая затея – подниматься сюда. Не все ли ей равно, здесь живет Роман или в другом месте, ходит сюда, чтобы повидаться с матерью, или здесь обитает его молодая любовница? Да пусть делает, что хочет, пусть исчезает, куда хочет, встречается, с кем хочет, – чем проще будет относиться Фанни к этой безумной связи, тем лучше для нее же. В конце концов, они с Романом вместе и каждый по отдельности получают, что хотели: она – неистового любовника, который заставляет ее кричать от наслаждения и трепетать от нежности, он – комфортную жизнь, изобилие тряпья и парфюмов, которыми Фанни его, честно признаться, завалила, так что он уже не шляется в потертой куртке и заню-

шенных джинсах, сшитых невесть в какой подворотне и выдаваемых за *Levi's*, а носит классные штанцы из приличных бутиков. Конечно, это не Черутти и не Версаче, но нормальная модная одежда. А чтобы одеваться от Версаче, ему надо было сойтись с миллионершей или любовницей миллионера вроде Катрин...

Как всегда, при воспоминании о Катрин по лицу Фанни прошла судорога. Ладно, пусть живет эта толстая дура вместе со своим русским миллионером, любовницей которого еще так недавно была сама...

Голос из-за двери! Голос Романа!

Все мысли о Катрин и Лоране вымело из головы Фанни. Она сделала шаг, припала ухом к двери. И тут же раздраженно стиснула губы: разговор шел на незнакомом языке, видимо, по-русски. Ее скудного словарного запаса: «я тебя люблю», «я тебя хочу», «трахни меня», «давай еще» – то, чему она выучилась от Лорана, и «пусти меня к себе» – пополнение от Романа, – здесь было явно недостаточно.

Только и оставалось, что вслушиваться в музыку голоса Романа, ловить его интонации. Иногда он говорил запальчиво, почти зло, явно старался убедить в чем-то своего собеседника или собеседницу. Потом голос его становился мягким, и Фанни вздрагивала, потому что так мягко его голос струился, когда Роман изо всех сил пытался уйти от ответа на прямой вопрос. Фанни уже распознавала эту фальшь, и сейчас словно бы увидела перед собой его лицо: этот обво-

лакивающий взгляд исподлобья, эту тень от ресниц на щеке, вздрогнувшие в тайной улыбке губы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.